

Князь Владимир

К тебе, о мой небесный покровитель,
 Я в мыслях обращаюсь и в стихах.
 Тебя, всея Руси родной креститель,
 Я чувствую во всех своих делах.
 Тебя в эпоху смуты и распада
 Державы, заповеданной Христу,
 Прошу, молю: ответь, что делать надо,
 Чтобы спастись, срастись. Как выжить тут?
 В час волка, когда Киев будто вымер,
 Без помпы, в одеянии простом
 На горку поднимаюсь, где Владимир
 Стоит с зелёно-бронзовым крестом.
 Какие с этой горки видны дали!
 Как вольно катит волны в море Днепр!
 Владимиру невмочь на пьедестале –
 Ему б из Византии плыть в ладье,
 С дружиной всех язычников согнать бы
 К Почайне и – в студёную купель!
 Бесстрастно слушать бешенство проклятий:
 Господь благословил святую цель.
 Единой, неделимой и великой
 Империей славян князь видел Русь.
 На плечи ей – голодной, полудикой –
 Он навалил единоверья груз.
 Прошли тысячелетья. Древний Киев
 Растёт как на дрожжах и вширь, и ввысь.
 Мы победили всех времён батыев,
 Но... искажён язык, обряды, жизнь.
 Князь глуше слышит колокол на Лавре.
 Отчётливее – греко-римский звон,
 Который Русь хулит и православье,
 И враг славянам – века испокон.
 В плену давно томится Византия.
 В Царьграде – турки. И смирились мы.
 Унижена великая Россия,
 Вараввы – в холе, в рубище – умы.
 Где песни скальдов, мужество варягов?
 Спит, как царевна, Киевская Русь.
 И над её хрустальным саркофагом
 Я, как дитя, заплакать не стыжусь.
 Но, спев Руси родимой «аллилуйя»
 И древней насыщаясь красотой,
 Царевну-Русь бужу я поцелую,
 Пою ей гимн, зову ей Святой.

Владимир Сорокин

Печатается с разрешения
 Светланы Скорик - редактора сайта
 Стихи.Про: Школа поэзии «Стихира»
<http://stihi.pro/107-literaturnyj-sajt.html>

Россия сновидений

Мне снится Родина, которой я не знаю,
 Мне снится дом, в котором не жила,
 Я всё иду, и двери открываю,
 Счастливым ожиданием полна.

Мне снится степь, как море золотое,
 Трав аромат и пряный, и хмельной
 Мне кружит голову... С распущенной косою
 Бегу, танцую, солнечной тропой.

Мне снится город, где я не бывала,
 Иду в толпе, касаясь чьих-то плеч.
 Нет улицам конца и нет начала,
 Как музыка, звучит родная речь.

Там, далеко, в тьме прошлых поколений
 Любовь заложена к тебе, моя земля.
 Страна мечты моей, Россия сновидений,
 Дитя чужбины я, но всей душой твоя!

Елена Якупова. (Сидней)

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

О чем грустишь, березовая роща?
 Какая дума тяготит твой ум?
 Гляжу на свет сквозь крон цветущих толщ
 И в твой зеленый вслушиваюсь шум.

Встревожено ты шелестишь листвою,
 Спеша всю душу мне открыть опять.
 И я качаю тоже головою,
 Не в силах мысли горькие унять.

Здесь на Руси печалям нет предела...
 Давай в тиши, родная, постоим.
 А всё, о чем поведать ты хотела,
 Пойму и так я по слезам твоим.

Александр Бывшев.
 Россия.

От редакции

Жемчужная память

В Сиднее, в мае 2012 г. впервые встретились лицом к лицу редакторы двух дружественных русских журналов - «Жемчужины» и «Австралиады».

Строго говоря, с редактором «Австралиады» Н.А. Мельниковой мы встретились один раз в 1998 г., да и то мельком - на презентации «Антологии русских поэтов Австралии». С иными членами редколлегии были все эти годы знакомы «душой», когда заочно, по-телефону делились радостью, обсуждали волнующие нас вопросы...

Лично для меня эта встреча имела особенное значение, потому что с самого начала основания «Жемчужины», редактор Наталия Анатольевна и некоторые члены редколлегии проявляли к своей «жемчужной сестрёнке» сердечное участие и оказывали моральную поддержку. Вот поэтому наша встреча проходила в тёплой, дружеской и очень непринуждённой обстановке, и мне хочется

сохранить её в «жемчужной» памяти.

«Австралиада - хроника русских в Австралии» - это первый и единственный в Австралии журнал, который имеет законное право и основание называться ЛЕТОПИСЬЮ.

Сейчас «Австралиаде» 18 лет. К этой цифре уже нельзя прибавить привычную фразу «немалый срок», потому что 18 лет - это целая жизнь. Жизнь отданная во имя увековечения истории, культуры и достижений русских эмигрантов в Австралии.

Журнал был основан в 1994 г. С самого начала работа над изданием велась, и до сих пор ведётся - на высоком профессиональном уровне.

Материал на тему русской эмиграции собирали буквально по крупицам. Зачастую это означало долгие и трудные поиски казалось бы навсегда потерянных нитей. Работа в библиотеках, государственных архивах Австралии и др. стран, непрерывные академически-скрупулёзные исследования, а то и случайные находки - уцелевшие мемуары уходящего поколения.

К счастью, «Австралиаде» досталось немало "живой" хроники, т.е. то, что поведали ей сами эмигранты. Труд поистине титанический. Но он принёс свои плоды.

Так отдельные повести из жизни отдельных людей - трагедия потерянной родины, сломанные судьбы, трудности и лишения первых лет на австралийской земле... и только потом уже, в потомстве, благополучие и достижения - вытканые на канве страниц «Австралиады», превратили судьбу эмиграции из Харбина, Шанхая и послевоенной Европы в одну большую, правдивую и очень насыщенную картину. Тот факт, что журнал всегда стремился сохранять характерный язык авторов, публикуя их воспоминания почти без изменений, только придаёт общей картине яркость и неповторимость.

В отличие от многих современных периодических изданий, редактор и члены редколлегии «Австралиады» всегда работали на добровольных началах.

Но, как будто мало работы над самим журналом, в течение 18 лет «Австралиада» издавала также ряд книг и публикаций, посвящённых истории русских в Австралии, а также книгу - Историю Русского Общества по специальному заказу Посольства РФ. И, между прочим, «Антологию русских поэтов Австралии». Венец же их благородного труда - это создание настоящей «Истории русских в Австралии». На сегодняшний день «Австралиада» выпустила в свет 3 тома «Истории»; в данный момент идёт работа над изданием четвёртого.

Говоря о заслугах «Австралиады», нельзя не упомянуть, что среди членов редколлегии есть и были поистине одарённые люди - сами писатели и поэты.. Из ушедших в иной мир - это И.М. Смолянинов, Л.А. Ястребова, Е.А. Якупова. Из ныне здравствующих - это фельетонист А.

Троицын; автор замечательных статей Татьяна Гартунг, а также - редактор, поэт и писатель, автор многочисленных научных статей - Наталия Анатольевна Мельникова.

Да простит мне милая Наташа, но в «Австралиаде» постоянно встречаются заметки – признание заслуг и дарований по отношению других людей, а также поздравления в адрес русских общественных деятелей, да и просто рядовых горожан. Но Н. Мельникова – бессленный редактор в течение долгих 18 лет, который несёт на себе исключительно тяжёлую нагрузку, упорно предпочитает оставаться как бы тени. Поэтому беру на себя смелость - помещаю в конце статьи два её чудесных стихотворения, которые, кстати сказать, я нашла совершенно случайно.

В качестве небольшого отступления, нелишне также упомянуть, что за последние годы в России начали появляться публикации, издатели которых беззастенчиво копируют информацию из «Австралиады» - порою целые параграфы, без каких-либо ссылок на источник, и выдают это за своё. В академическом мире это называется плагиат. На простом языке – воровство. Так недавно обнаружили два новых "автора" в России, что за чужой счёт вывели свои имена, как говорится, в «свет».

У нас в Австралии тоже не отстают: нашлось средненькой руки издание, что исподволь начинает присваивать себе статус «Летописи». Пока - чисто местного характера. Но, как говорится, «лиха беда начать», а там, глядишь - и этакий «летописец» охватит жадным до важных титулов взором и всю русскую Австралию. Как видно, исходя из поговорки - «Если ложь упорно повторяют 1000 раз, то на 1001-й раз она становится правдой» - такой летописец надеется дорасти до солидной «Австралиады». Что и говорить, непомерная амбиция «летописца», при полном отсутствии данных, впечатляет...

Между тем, «Австралиада» была и остаётся первым и единственным русским журналом в Австралии, который в течение 18 лет полностью оправдывает свою миссию и который имеет право называться ЛЕТОПИСЬЮ. И потому стоит в рядах тех, кому суждено ЖИТЬ, снискав заслуженную благодарность как русской эмиграции в Австралии, так и исследователей в России.

Хочется от всего сердца пожелать редактору и редколлегии журнала «Австралиада» - счастья, здоровья и творческих сил в их нелёгком, но благородном и очень нужном деле.

Тамара Малеевская. Брисбен.

Стихи Н.А. Мельниковой.

Редактор «Австралиады»
Наталия Анатольевна
Мельникова.

Редколлегия «Австралиады»:

Сидят, слева: Ирина Мигунова, ред. Наталия Мельникова, Алла Шаповалова,
Георгий Косицын (ныне покойный).

Стоят, слева: Юра Скорняков, Лариса Аполлонова, Абрам Троицын,
Татьяна Гартунг.

Стихи Н.А. Мельниковой

ХАРБИН, 1955 г.

В. Сахно

Поезд ушел. Гармонист замолчал.
 Это только начало разлуки.
 Еще полон вокзал,
 Еще поезду вслед
 Машут чьи-то печальные руки.
 Поезд ушел, и вокзал опустел,
 Только грустно стояли подруги,
 Дым вдали поредел,
 И стук дробный умолк,
 Лишь гудки голосили в испуге.
 Поезд ушел, в неизвестность увез
 Дорогого навек человека.
 Всех не выплакать слез,
 Всех не высказать слов
 О разлуках двадцатого века.

Сидней.

Привет вам, ласковое племя!
 Привет вам, странники земли!
 Разлёта отшумело время –
 Вы все пристанище нашли.
 На карте мира загорелись
 России вечной огоньки,
 Вы и в чужих морях сумели
 Создать России островки.
 Упорны вы, Китая дети,
 Без вас Маньчжурия молчит,
 Но чудо-город как свидетель
 Геройства русского стоит.
 Вы, увезённые в теплушках,
 И вы, уплывшие на юг,
 В себе несёте край маньчжурский
 Сквозь годы странствий и разлук.
 И в этом мире напряжённом,
 Как доброй вести провода,
 Харбинцы дружбой прирождённой
 Соединяли города.
 Новосибирск гостит в Нью-Йорке,
 Варшава в Лондоне гостит,
 А Сан-Паулу едет в Горький –
 Весь мир по-русски говорит!

Харбин-Мельбурн.

У ВРЕМЕНИ ТЕРПКИЙ ВКУС

«Не вино пьянит человека, а время» - Русская народная поговорка.

Время – это абсолютная субстанция, не параметр, не измерение, как пытаются представить некоторые, уподобив его линейным длине, ширине, высоте. Время не изменяемо и вездесуще. Учёты подвержены лишь отдельные часы, минуты, секунды, условные неосязаемые частицы, которые на самом деле не существуют в природе. Время это густой нектар, его требуется смаковать неспеша, небольшими порциями. Разлитое по амфорам, закупоренное сургочом в старинных штофах тёмного запылённого стекла оно дожидается мига своего открытия...

Терпкий вкус времени из древней посуды, его тягучесть и послевкусие, медленно тающее во рту, не идут ни в какое сравнение с содержимым наскоро расфасованных пластиковых бутылок. Жидкое и мгновенно улетающее, всего несколько лопнувших пузырьков безвкусного газа на кончике языка не оставляют никаких долгих воспоминаний, не могут оставить ничего затрагивающего память. У подобного продукта просто нет таких свойств. Ни малейшей значимости и обстоятельности. Истинное время не может быть фастфудом.

Время не река и не средство передвижения – оно внутри нас самих, и мы сами его вместилище, находящееся внутри него самого. Мы и есть Машина Времени, не колёса и бездушные рычаги, придуманные хитроумным Уэллсом. Наши клетки от ногтей до мозга, порождённые сложными процессами в них сознание и есть этот удивительный экипаж вечно путешествующий по бесконечности.

Вереницы людей бывших и будущих, до нас и после, непохожие и одновременно непрерывно единые, имеющие общую связующую основу – двойную спираль генетического кода, протянутую из прошлого в будущее сквозь меня, сквозь каждого живущего в этот момент. Годы и века, нанизанные на эту нить, гаснут, исчезая позади, а навстречу снова и снова уже несутся им на замену новые, неведомые.

Со звучным хлопком наша любовь открывает заветную сохранённую бутылку, и её содержимое до краёв наполняет сжимаемые нашими пальцами резные бокалы, а нас неизмеримым счастьем. Давай же примем в себя приятно обжигающее небо сокровище не спеша, как положено неведомыми предначертаниями судьбы, маленькими запоминающимися глотками, позволяющими получить всё доступное наслаждение. Ведь миг этот никогда уже не повторится для нас. Да, это драгоценное содержимое, и невозможно опрокинуть его в себя разом, оно требует уважительного, деликатного отношения. Ведь время – очень терпкий напиток, на любителя, не всякий сможет сразу оценить его вкус. Но и скупердяйничать нельзя, так можно потерять уже имеющееся. Сейчас оно в наших руках, оно соединяет нас, и я без сомнений с радостью разделяю его с тобой.

С.Е. КРИВОРОТОВ. Астрахань.

И.А. ИЛЫН 1883-1954

Книга тихих созерцаний

* Искусство похвалы

Самое легкое - порицание; а именно: необъективное, страстное, безмерное порицание. Самое трудное - похвала; а именно: объективная похвала. Для этого человеку требуется подлинное искусство. Но не для того вовсе, чтобы говорить комплименты или тем более льстить (это было бы само по себе умение!), а для честной, искренней и объективной похвалы, которую так редко услышишь в жизни и которой так сильно недостает.

Чтобы хвалить объективно, человек фактически должен научиться дышать в стихии объективности. Он должен хорошо знать, что речь идет не о субъективной «любезности», личном «удовольствии» или собственном «наслаждении», а о реальном качестве деяния, стихотворения, сонаты и т.д. Мир полон случаев, когда добротнo-совершенное людям «не по вкусу», а дурное и мелкое пользуется «большим успехом». И вот объективная похвала говорит не о субъективном «удовлетворении» или «удовольствии», а о действительно добром отношении. Совсем не похоже на: «Ах, это доставило мне большое удовольствие», скорее: «это хорошо», «значительно», «самобытно», «совершенно», возможно - «прекрасно, истинно, справедливо».

Пусть еще или уже нет аплодисментов - деяние говорит само за себя; «труд хвалит мастера», будь мастер даже еще более скромным или вовсе смиренным. Объективная похвала исходит как бы из самого деяния, а говорящий похвалу выступает лишь как представитель деяния.

Разумеется, он должен обладать известной компетентностью и силой суждения в соответствующей области. Хвалящий сапожник, который мерит всех на свой аршин, должен быть готов к вопросам о причинах его похвалы. Тогда его разоблачат по его запутанным, бессвязным, пустым речам. Впрочем, те, кого хвалят, очень редко склонны детально расспрашивать выражающего хвалу; но завистливые соперники - эти часто смотрят в корень...

Искусство объективной похвалы требует еще и многого другого. Так, похвала должна - внутренне и внешне - быть выше скрытого и утонченного эгоизма, умения делать комплименты. Произносящий хвалу должен держаться, подобно приверженцу идеи - искренне, убежденно, от всего сердца; однако быть свободным от всякой аффектации, от всякой позы, без всяких ужимок и речей. У него должна быть одна цель - истина; ему надо не милости хвалимого и не славы «первооткрывателя», который старается вытащить на свет новое дарование. Объективность скромна; объективная похвала дышит целомудрием. Она коротка; она знает, что ее сила рождается из духовной глубины и не требует жеманства. Порою все зависит не от того, что, собственно, сказано, а от того, *как* это сказано. Часто довольно одного взгляда; возможно, слеза на глазах скажет больше любого краснобайства...

Однако все происходит совершенно по-особому, когда имеешь дело с великим человеком. Тогда надо всегда считаться с тем, что он живет в объективности и обладает чувствительностью, которая часто переходит в ясновидение; что он тонко чувствует всякую разумную лесть, неискренность, искусственность, аффектацию и - презирает их; что ему немного нужно, чтобы многое понять; что он точно знает, как следует толковать его деяние или его труд; что он, наконец, знает себе цену.

И если все это принять во внимание и взвесить, то понимаешь, что объективная похвала скрывает в себе претензию - «я также один из объективных и вместе с вами могу сказать решающее слово», и духовная зрелость и искусство предполагают *творческий такт, тонкое чувство меры и формы*, объективно-критический дар.

Возможно, поэтому так редко слышишь объективную похвалу. Кто не способен на это, тот застревает в необъективных любезностях; а кто способен, тот часто воздерживается - из скромности. Ибо атмосфера великой вещи делает человека скромным.

* Неудача

Устоять пред неудачей - первое, чему должен научиться каждый. Откровенно говоря: кто не понимает этого, тот - не мужчина. Простите! Также и не женщина. Скорее всего, это - трусы обоюго пола. И тем не менее каждый из нас должен однажды сдать экзамен на свою первую большую неудачу. В честь этой первой неудачи здесь дается несколько утешительных советов. Да, конечно, это мучительно; часто даже страшно мучительно: столько надежд, столько усилий и столько огорчений!

Итак, первое: не погрязать в неудаче; не стенать; не составлять «длинный список потерь» и не думать о них непрестанно. Предоставим зверю зализывать раны. У человека есть более достойный выход: не признавать рану души своей. И - все.

Второе: нельзя представлять себя единственным несчастным дитятей на белом свете; ведь у каждого были неудачи, и у всех они будут. Нельзя также воображать, что эта неудача была «фатальной» или «непоправимой». Пока жив человек, все можно исправить, каждую неудачу можно и должно обратить в успех; да, даже каждый дурной поступок может и должен быть искуплен и произрасти исцеленным в ткани раскаивающегося, творческого духа.

Третье: нельзя, чтобы неудача казалась вам «позором», особенно в чужих глазах. Существуют миллионы таких чужих глаз. Стоит только представить себе, что из миллионов глоток кричат тебе: «Позор! Позор!», чтобы никогда больше не подняться на ноги. Для того, кто свободен от этой тяжести, неудача не является позором. В неудаче человек ощущает себя, конечно, внизу, как будто он свалился с горы, как будто он лежит там обессиленный... Но поэтому нужно как можно скорее покончить с этим! Близящийся успех уже зовет тебя: ты не можешь ему изменить.

Четвертое: неудача - лучшая школа успеха. С ней надо обращаться как с предметом тренировки, как с необходимым закаливанием; как с источником понимания и мудрости жизни; как с дорогим поучением, как с трамплином для новой борьбы. Но это означает, что неудачу нельзя отдавать на расправу оскорбленным и разочарованным чувствам, ее необходимо воспринимать с помощью воли и обращаться с ней как с проблемой воли, и с помощью спокойного исследовательского разума - как с проблемой разума. Тогда путь к успеху проложен!

Скажи себе, твердо и решительно: «Задача была поставлена правильно; она осталась невыполненной; ее надо осуществить; это была лишь попытка; сейчас я снова займусь ее решением. Как мне лучше сделать это?»

Затем нужно продумать все так, как будто это была чужая неудача, на которой надо учиться: «Откуда пришла неудача? Чего мне не хватило? Где я действовал неправильно? Возможно, неосторожно или нерешительно? Возможно, заносчиво, поспешно, бестактно?» Надо всегда спрашивать и отвечать так, как будто речь идет о добром друге, которого, к сожалению, постигла неудача и которому надо помочь словом и делом. Чтобы умолкло собственное тщеславие и своенравие; чтобы выработать привычку спокойно переносить собственные недостатки и ошибки (а возможно, и собственные грехи и пороки) и научиться смирению; чтобы научиться извлекать из неудачи не только отдельную предстоящую удачу, но и - что более важно - возможность укрепить и облагородить собственный характер. И тогда, пожалуй, пусть жизнь превратится в непрерывную неудачу: в любом несчастье, при любом промахе победитель поднимет голову. Ведь в жизни действительно существует нечто большее, чем просто жизненный успех, а именно - духовная победа над мелочным, тщеславным поганцем в собственной душе!

Не правда ли, этот выигрыш - не второстепенное дело, непосредственно задуманное нами? Разумеется! Но в жизни часто бывает так, что в первоначально «второстепенном деле» позже узнаешь главное. Хотелось пробиться к «удаче», а обнаружилась дорога к победе, к духовному просветлению. И победитель, возможно, будет думать о совсем иных удачах, чем те, которых ему удастся достичь, и он будет славить свою прежнюю неудачу как составляющую настоящего счастья.

Поэтому - счастья тебе! Вперед, к неудаче!

Иван ИЛЬИН

«Поющее сердце. Книга тихих созерцаний»

Книжная
полка

Growing Up Russian In China

Семейные воспоминания Татьяны Ерохиной.

Автор книги "Growing Up Russian In China" Татьяна Ерохина родилась и выросла на северо-востоке Китая. Затем её семья жила в Бразилии; потом все переехали в Сиэтл, штат Вашингтон, где Т. Ерохина окончила университет, и затем, одна, уехала учиться на Магистерскую степень в Колумбус, Огайо (1964-1966). В 1966 г. приехала в Калифорнию. Сначала в Северную. Преподавала год, и поступила в Калифорнийский университет UCLA на программу докторской степени. Прошла весь курс, но не писала диссертации, а стала преподавать. В 1974-75 преподавала русский инженерам в НАСА, а также переводила на конференциях в НАСА на программе Экспериментального полета Аполлон-Союз (Аполлон, вместо Аполлон, оставили с английски написанием). Была раз 7 в Союзе, и последний раз - в 2000 г. - в России. После выхода в отставку, написала семейные воспоминания.

Впервые книга Ерохиной "Growing Up Russian In China" вышла в США на английском языке. В настоящий момент автор, владея русским в совершенстве, работает над её переводом; в русском варианте название книги предполагается - "Росла русской в Китае."

В общих чертах, книга "Growing Up Russian In China" - это рассказ о жизни автора и её семьи в Дайрене, сначала во время японской оккупации, потом советской, и наконец при китайских коммунистах; о том - как и почему русские оказались в Китае; как русские в изгнании не только свято хранили свои традиции, язык и культуру, но также внесли огромный вклад в область науки, литературы, музыки. Многие русские эмигранты обосновались в Китае ещё на рубеже прошлого столетия, т.к. работали на постройке КВЖД, но подавляющее большинство населения составляли беженцы, которые вынуждены были покинуть Россию во время революции 1917 г. и последующей Гражданской войны. В своей книге автор также касается событий Второй Мировой войны и послевоенных лет в Китае, потому что коснулись они как русских эмигрантов, так и китайцев, и японцев. А потому, неизбежна печальная повесть о новых испытаниях, которым подверглись русские люди, расставаясь с «родным» городом на китайской земле - об их новых скитаниях, лишениях и... неизвестности.

Поздравляем Татьяну Ерохину с выпуском книги. Хочется верить, что в скором времени её воспоминания появятся и на русском языке. Желаем автору творческого вдохновения и множество благодарных читателей.

Т.М.

Координаты для тех, кто предпочитает читать по-английски.

Электронный адрес автора: [Tatiana Erohina - terohina@yahoo.com](mailto:Tatiana.Erohina-terohina@yahoo.com)

Можно также зайти на сайт www.amazon.com или обратиться в издательство: www.iUniverse.com

а также к его представителю: Lea.griffin@iuniverse.com или [Lea Griffin @ Extension 8131](mailto:Lea.Griffin@Extension8131)

GROWING UP RUSSIAN IN CHINA -Tatiana Erohina издание iUniverse.

Phone: 1-877-820-5395

Toll-free: 1-800-AUTHORS (288-4677)

FAX: 812-355-4085

International: 00-1-402-323-7800

ISBN978-1-4620-5592-0

Электронная версия: ISBN 978-1-4620-55935-7, copy right 2011.

Молодое поколение читателей имеет также возможность скачать книгу по очень умеренной цене на iPad - на сайте издательства - или звонить 1-800-288-4677 extension 5045

PID360819- GROWING UP RUSSIAN IN CHINA-Tatiana Erohina

*Свою ЖИЗНЬ надо устраивать
до тех пор, пока ЖИЗНЬ не
начнёт устраивать ТЕБЯ...*

*Теория учит нас
смотреть далеко вперёд,
а практика - под ноги.*

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

1826 – 1889

Сатирик по призванию, Салтыков с первых же, ещё неуверенных шагов литературной карьеры, осуществляет своё, можно сказать, провиденциальное назначение в такой степени последовательно и стойко, что, кажется, он нигде не изменяет себе. Даже в частной беседе или переписке, даже в вице-губернаторском кресле он остаётся сатириком, острое зрение которого не может мириться с противоречиями между тем, что есть и что должно быть...

"Противоречиями" названа его первая юношеская повесть, противоречия он отмечает затем в течение всей своей последующей жизни, не разбрасываясь в стороны и не насилуя своего таланта какими-нибудь иными, несродными ему задачами. Быть может, этой последовательной и огромной работой в одном неизменном направлении возможно объяснить то удивительное явление, что талант писателя заметно и непрерывно растёт даже тогда, когда физические силы окончательно изменяют писателю и когда, в течение нескольких последних лет, самое существование его является одним сплошным мучительным страданием.

Рано начавшаяся литературная карьера Салтыкова рано познакомила его и с трениями, которыми щедро усыпан путь русского писателя. Едва успела появиться в свет вторая его повесть - "Запутанное дело", как он должен был провести почти восемь лет в Вятке, вдали от жизни и интересов, с которыми он по выходе из лицея успел сродниться. Другая сторона литературной карьеры - так называемая "слава" писательская - открылась для него, когда он начал в 1856 - 57 гг. печатать на страницах "Русского Вестника" "Губернские Очерки". Новые и сильные слова, которыми заговорил "надворный советник Щедрин" - этим псевдонимом подписывал Салтыков "Губернские Очерки" - произвели сильное впечатление на широкие круги читателей. Обратила внимание на писателя и критика, причём последняя, в лице наиболее влиятельных в то время своих представителей - Добролюбова и Чернышевского, - дала Щедрину в высокой степени сочувственную оценку. Тургенев в одном из своих писем в 1857 г. категорически и резко заявляет, что "если г.Щедрин имеет успех, то, говоря его словами, писать уже "не для-че". Пусть публика набивает себе брюхо этими пряностями. На здоровье!" Не менее ядовитый отзыв о Салтыкове дал в этом же году в частном письме к Тургеневу и Некрасов. Однако эти, быть может, самые злые и уж, конечно, самые талантливые критики Салтыкова должны были капитулировать перед силою его вырастающего дарования.

Всегда чуткий к "новооткрытым" и даже к неоткрытым талантам, Некрасов капитулировал первым. Он очень скоро понял и постарался исправить свою ошибку: так неудачно оцененный им в 1857 г. сатирик с 1859 г. делается постоянным сотрудником его журнала, а в начале 1863 года мы видим Салтыкова уже рядом с Некрасовым во главе "Современника", а затем с 1868 г. во главе "Отечественных Записок". Что касается Тургенева, то об его абсолютной капитуляции перед огромным дарованием сатирика говорят нам его собственные признания, сделанные им как в частной переписке, так и в печати. Он понял, что область, отмежеванная сатириком в русской словесности, имеет все права на самостоятельное, независимое существование, и что в этой области Салтыков "неоспоримый мастер и первый человек". "Невольно задаваясь вопросом, отчего Салтыков вместо очерков не напишет крупного романа с группировкой характеров и событий, с руководящей мыслью и широким исполнением", Тургенев здесь же и отвечает себе: оттого, "что романы и повести - до некоторой степени пишут другие, а то, что делает Салтыков - кроме него делать некому". Одержав блестящую победу над такими мощными супостатами, какими являлись названные нами писатели, Салтыков быстрыми и уверенными шагами подвигался вперёд, поднимаясь всё выше и выше к тем высотам литературы, с которых огромное значение писателя становится уже бесспорным, даже для несогласных с ним мыслящих жителей долин.

Литература? Мы знаем, с какой беззаветной любовью и с каким высоким уважением относился Салтыков к литературе. Даже в предсмертном письме к сыну он писал: "паче всего люби родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому". Но именно поэтому он

в течение всей своей жизни не отводил от литературы внимательного взора. Отрицательные явления в литературе были близко ему знакомы и отмечались им в их последовательном появлении и развитии. И сатирик ясно видел, как она всасывала в себя дурные соки общества и в каждый данный момент оказывалась в массе не выше этого последнего по своим моральным качествам. И как ни страстно привязан был он к литературе, случались моменты, когда, по собственному его признанию, привязанность эта подвергалась очень решительным испытаниям. Тем не менее в своих очерках Щедрин даёт поистине блестящие страницы, посвящённые защите литературы, её "животворящих свойств", её значения, как "неоскудевающего источника жизни". "Литература не умрёт, не умрёт вовеки веков. Всё, что мы видим вокруг нас, всё в своё время обратиться частью в развалины, частью в навоз, - одна литература изъята от законов тления, она одна не признаёт смерти. Несмотря ни на что, она вечно будет жить в памятниках настоящего, и в памятниках будущего. Не найдётся такого момента в истории человечества, про который можно было бы с уверенностью сказать: вот момент, когда литература была упразднена. Не было таких моментов, нет и не будет. Ибо ничто так не соприкасается с идеей о вечности, ничто так не поясняет её, как представление о литературе". Литература для Салтыкова - "освящённое средство для небесных целей", широкая арена для борьбы за торжество света и правды, за идеалы будущего.

Променив вице-губернаторское место на звание литератора, Салтыков переменял не только профессию, нет, он опоясал себя мечом для того, чтобы, подобно Гейне, посвятить свои силы рыцарскому служению Святому Духу. Он стал борцом. Но в отличие от всех иных видов борьбы, где каждая ошибка может роковым образом отразиться на успехе всего дела, "литература, - говорит Салтыков в той же сатире "Круглый год", - имеет право допускать заблуждения, потому что она же сама и поправляет их". Поэтому, "признавая" литературу, сатирик принимал её "всецело, со всеми уклонениями и осложнениями, даже с московскими кликушами". Правда, все эти уклонения и осложнения, с "каплунами мысли", с пенкоснимателями, Подхалимовыми и Ноздрёвыми, "порой бывают мучительны, но ведь они пройдут, исчезнут, растают и, наконец, одни только усилия честной мысли останутся незабываемыми".

Неутомимый летописец четырёх десятилетий, Щедрин пережил и художественно воссоздал в своей сатире весь тот сложный и многообразный процесс, которым дореформенная Русь, приспособляясь и приспособляясь, настраивала свои крепостнически-сословные формы на европейски-буржуазный лад. Мы пережили с ним "веяние радостных ожиданий", вскоре сменившееся "веянием горестных утрат". Вместе с ним попали в ураган страшного по силе, развернувшихся и ничем несдерживаемых appetites, "веяния хищничества". И вот теперь, в начале 80-х годов, сатирик с недоумением подошёл к какой-то загадочной храмине, на воротах которой написано: галиматъя, и откуда пахнуло на него новым веянием, которому Щедрин не нашёл никакого иного названия, как только "веяние сапогов в смятку". Жутко жить в такой "храмине". Жутко почувствовал себя в ней и наш сатирик, хотя, по складу своего острого аналитического ума, он вошёл в неё подготовленным в неизмеримо большей степени, чем все остальные его современники и в частности чем вся та школа критического народничества, под флагом которой протекала его литературная деятельность в "Отечественных Записках".

Далёкий не только от догматического, но даже и от критического народничества, Щедрин шёл к 80-м годам своей собственной дорогой. Поэтому и то глубокое разочарование, которое охватило народничество к началу 80-х годов, после крушения всех его упований, не коснулось Щедрина. Людям, упавшим духом, растратившим свои упования, сатирик даже в дни всеобщего уныния не переставал петь о радостях света и жизни. Он напоминал, что и в истории "Пошехонья" бывали просветы. И как ни коротки они были, как ни слабы были солнечные лучи, падавшие на пошехонскую землю, пошехонцы расцветали и ободрялись под их живительным светом. Значит заключает сатирик, для всех вообще людей свет представляет нечто желанное. Бывают личности, писал он, для которых вся история служит свидетельством "неуклонного нарастания добра в мире". И как ни труден этот процесс нарастания добра, в нём можно найти утешение. Но искать утешение в истории способны только "исключительные натуры", герои, а между тем в 80-е годы героем, выступавшим на арену жизни, стал средний человек, - "человек относительной правды, относительного добра, относительного счастья". Он ждёт охранного листа на среднее существование в настоящем, и, когда "история сдирает с него кожу", он получает полное основание усомниться в благостности исторического процесса. Ведь он, продолжает Щедрин, "этот средний человек, именно, и есть действительный объект истории. Для него пишет история свои сказания о старой неправде, для него происходит процесс нарастания правды новой. Ради него создаются религии, философские системы, утопии; ради него самоотвергаются те исключительные натуры, которые носят в себе зиждительное начало истории".

Истукан

Угрюмый деспот древних обезьян
Не зря сидит на сером пьедестале.
Он - страж веков, его дворец - бурьян.
Из недр земных владыку откопали.

Музейный век ему всего лишь миг.
И мир - пустяк, когда в запасе вечность.
Сидит с ухмылкой каменный старик,
Глядит, как преходящее беспечно.

Ничтожен миг, забавен человек.
А страж веков спокоен и циничен.
Он знает все про уходящий век.
И то, что мир наш скушен и цикличен.

Что ж из того, безмолвный истукан?
Ведь у тебя совсем иная участь.
Паси своих гранитных обезьян,
Сиди, молчи, по-прежнему не мучась...

Владимир Иванов-Ардашев.
Хабаровск.

Хайку по-русски

С неба вода,
В майскую ночь бесконечно
Падают звёзды.

Михайловский замок
В воде отражается,
Императора тень.

Мальш проказник,
Спит безмятежно на крыше
Уставшее солнце.

Фикус в кадучке,
Бессонная ночь на двоих:
Тень и старик.

Люди в тумане,
И плывут на мосту
Кони Клодта.

Евгений Кульба.
Россия. Благовещенск.

Баллада о лошади

На ней всю ночь катались пацаны,
А чтоб неслась галопом, – цепью били.
Поиздевавшись досыта, они
Её перед рассветом ослепили.
Стояла лошадь, голову склонив,
Кровь из глазниц струилась со слезами.
Ей бабы, про дела свои забыв,
Давали хлеб и голосили сами.
Невольно бабы вспомнили войну,
Когда они и кони жилы рвали,
Поля зерном и жалью засевали,
Но прокормили фронт и всю страну.
Подавленно стоял я в стороне.
Вина за пацанов давила плечи.
Как человеку, стыдно было мне

За злобу и жестокость человечью.
И умолял я мысленно: «Прости
Их, лошадь-мать, не смыслят молодые,
Что вечный воин и трудяга ты,
Что на твоих костях стоит Россия».
Ещё пылал зарёй рассветный час...
Вдруг, проявив невиданную резвость,
Сошёлся мир. Решили сообща,
Что, хошь-не хошь, а лошадь надо резать.
Когда мужик занёс топор над ней,
Заржала и упала на колени.
Ни нелюдей не видя, ни людей,
Она прияла смерть как избавленьё.

Владимир Сорокин.

Печатается с разрешения редактора сайта Светланы Скорик
Стихи.Про: Школа поэзии «Стихира» - <http://stihi.pro/107-literaturnyj-sajt.html>

Владимир Сорокин - киевский автор, писал стихи, эссе, очерки о России, её духовной миссии, о православии и истории Российского государства, о верном своему долгу казачеству, в общем, проявлял себя не только как поэт, но и как гражданин. Весной 2012 г. умер от приступа (говорят, инфаркт).

Тайна русского слова

(7) Мост к Христову всечеловечеству

Гоголю вторит преподобный Иустин Попович в своем замечательном труде «Достоевский о Европе и славянстве»: «Национализм, освященный и просвещенный Богочеловеком Христом, становится евангельским мостом ко Христову всечеловечеству. Только освященное и просвещенное Христом, славянство обретает свое непреходящее значение в мировой истории и через всеславянство ведет к всечеловечеству. Все, что является православным, стремится к одной цели: к братскому объединению всех людей посредством евангельской любви и жертвенного служения всем людям».

Стать русскими... Это, наверное, еще осознание нами, сегодняшними, величия и мудрости государственного устройства той России, которую мы утратили. Взять, к примеру, тот же национальный вопрос: главным, определяющим считалось вероисповедание отдельно взятого гражданина империи. Еще менее ста лет тому назад народы, населяющие необозримые просторы Российской Империи, различались как православные, мусульмане и иудеи, а не как русские, башкиры или евреи. И это совершенно справедливо, чего не скажешь о нашем времени.

Отчетливо это проиллюстрировала досадная ситуация, возникшая лично у меня во время последней переписи населения. Ранним утром к нам в квартиру пожаловали два счетчика (две милые смущенные девушки), которые предложили нам с женой заполнить анкеты. Изучив их, я, увы, не обнаружил графы «вероисповедание», чем и поделился с гостями, предложив дописать недостающую графу от руки. В ответ услышал, что анкета в таком виде будет считаться недействительной. Жаль. Надоело постоянное манипулирование средств массовой информации с численностью православных верующих в нынешней России, доходящее нередко до абсурда. А ведь, казалось бы, чего проще: внеси соответствующую графу в анкету переписи - и будет положен конец спекуляциям. Да одно это придало бы мероприятию общегосударственного масштаба высокий смысл.

Спрашивается, зачем оно тогда вообще понадобилось, вобравшее в себя столько людских и финансовых ресурсов, а на деле обернувшееся актом малодушия властей?! А ведь нам пытались внушить важность переписи, говоря, что полученные в ее результате данные помогут, дескать, улучшить жизнь граждан нашей страны. В качестве конкретного примера звучали, в частности, обещания оптимизировать на основе полученной информации график работы городского транспорта. Между тем как толпился народ на транспортных стоянках, так толпится и поныне... И еще. Думаю, лично меня, судя по формальным анкетным данным, устроители переписи, равно как и иных подобных мероприятий, наверняка отнесут к представителям того вероисповедания, которое им покажется наиболее логичным. Но ведь это не так. Таких, как я, вовсе не единицы. Нас много.

Когда поведал об этой истории в одной аудитории, получил из зала любопытную записку: «В Казахстане во время переписи включили графу "вероисповедание"; оказалось, что православных на несколько процентов больше. После этого соответствующей графы в российской переписи уже не было». Не знаю, так ли оно было на самом деле, только, рассуждая об этом сегодня, невольно вспоминаешь трагические события отечественной истории семидесятилетней давности. В переписи населения СССР, которая состоялась в печально памятном 1937 году, графа «вероисповедание» все же была (!). Но именно она повергла безбожные власти, с помпой отмечающие двадцатый юбилей учиненного ими государственного переворота, в состояние шока. Невероятно, но среди опрошенных половина горожан и две трети сельских жителей мужественно отнесли себя к Православию. Реакция властей последовала незамедлительно: все руководители переписи были немедленно расстреляны.

Споры о русском феномене возникли не сейчас и не с нами, похоже, отомрут. Со временем острота проблемы нисколько не притупилась, сегодня она актуальна как никогда. А потому в заголовок этой главы были вынесены автором слова Ф.М. Достоевского из «Дневника писателя». Его страстным призывом к своему народу, а по сути лаконичной емкой программой, хотелось бы ее и завершить: «...Если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными».

8. Евангелие для русского

Некогда Святые Отцы окрестили пятым Евангелием сотворенный Господом мир. Даже не будучи знакомыми с каноническими текстами Библии, рассуждали они, более того, не обладая элементарной грамотностью, можно тем не менее уверовать в Бога и в грядущее Воскресение, лишь... внимательно и любовно наблюдая окружающее нас: звездный небосвод над головой, солнце и луну, землю, по которой ходим и из которой произрастают колосья будущего хлеба, удивительные плоды и цветы, моря и реки, животных, птиц и рыб, населяющих эти стихии, причудливую смену времен года, дня и ночи, света и тьмы...

Именно таковым и был путь к вере в истинного Бога необычайно красивой и столь же скромной девушки Варвары, родившейся в IV веке по Р.Х. в Финикии в богатой и именитой языческой семье, - будущей святой великомученицы. В житии ее так и сказано: «Желая постичь истину, она часто, и днем, и ночью, взирала на небо и была объята сильным желанием узнать, кто сотворил такую прекрасную высоту, ширь и светлость неба, внезапно в сердце ее воссиял свет Божественной благодати и открыл умственные очи ее к познанию неведомого для нее Единого Невидимого и Непостижимого Бога, премудро создавшего небо и землю... Так отроковица Варвара училась по творению распознавать Творца; и сбылись на ней слова Давида: "размышляю о всех делах Твоих, рассуждаю о делах рук Твоих" (Пс. 142, 5)».

Я же, многогрешный, дерзаю называть русский язык еще одним заветным Евангелием для русского человека. Ибо исконные слова его свидетельствуют нам - «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 11, 15) - о Господе Нашем Иисусе Христе, о том сокровенном, что является сердцевинной Его божественного учения. С этого начинались наши рассуждения, этому были посвящены страницы повествования, им же будем его понемногу завершать.

Радость страдания

Слово не есть мертвое и внешнее зеркало; оно есть в то же время орудие живого, движущегося, совершенствующегося духа. Оно есть орудие совершенствования. **Владимир Короленко.**

Так, слова радость и страдание, как выясняется, являются однокорневыми, где буква «Т» есть подобие Креста. И в этом, только вдумайтесь, заложен величайший смысл.

Чтобы мы с вами имели в сердце своем самую великую радость, радость воскресения распятого Христа и нашего чаемого, по Его несказанному милосердию, будущего воскресения (а как же иначе, тогда и впрямь, по слову Апостола, «тщетна и вера ваша» - 1 Кор. 15,14), - для этого Господь должен был пострадать на Кресте. Какое же утешение несут эти слова всем нам: тебе сегодня радостно - это очень хорошо, но не забывай - Чьим страданием куплена твоя радость. Тебе сейчас трудно, ты страдаешь? Потерпи, родной, потерпи, как терпел Он - и тогда страдание твое обернется радостью. И все это: и страдание, и радость - соткано воедино вокруг Креста, немислимо без несения Креста.

А потому закономерно, что слово счастье почти не встречается в церковном обиходе: слышится в нем что-то сиюминутное, скоротечное - то, что сейчас есть. Хотя если заглянем в «Словарь» Даля, то обнаружим версии: со-частье - доля, пай, а также случайность, желанная неожиданность, удача; а еще: благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его.

Мы же припомним, сколько любимых нами икон содержат в себе емкое слово радость: «Нечаянная радость», «Трех радостей», «Всех скорбящих радость»... «Радуйся, Радосте наша!» - поем мы в умилении Богородице нашей. Радостью буквально преизобилуют Священное Писание, церковные службы, акафисты святым. В той или иной форме понятие это встречается на его страницах около восьми сотен раз, в то время как счастье - всего лишь 12. Вот и Господь, беседуя с учениками, предваряет заповедь о любви словами: «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15,11). Придет черед - и святой апостол Иоанн Богослов вторит словам Божественного Учителя: «И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна» (1 Ин. 1, 4). «Се бо явился Христом радость всему миру!» - слышим мы в Пасхальном песнопении. Именно радость, а не счастье.

Радостью-радугой окрасилась лазурная небесная твердь за много тысячелетий до Рождества Христа, знаменуя собою великое прощение рода человеческого, дарованного Ною и его потомству как обетование того, что не будет больше губительного потопа. И это была истинная **победа** - то, что приходит **по беде**, по ее окончании.

Между тем с понятием твердь тоже все непросто. Помню, как ребенком, впервые услышав его, воспринял это слово как обозначение чего-то твердого, очень прочного. Ведь это так очевидно, оно само за себя говорит, только вслушайтесь! Но и много лет спустя, впервые взяв в

руки Библию и наткнувшись буквально в первой же главе на фразу: «И назвал Бог твердь небом» (Быт. 1, 8), не мог отделаться от чувства какой-то неправильности. С детства я хорошо знал, что называется небом: не раз запускал в него воздушных змеев, отчаянно прыгал в него с крыши, раскрыв над головой старый зонт, позже не раз летал по нему на самолете - и мог свидетельствовать, что ничего твердого в нем нет. Одна пустота да облака. Словом - зыбь. А тут - твердь! И только в Церкви, да и то не сразу, пришло, наконец-то, понимание того, что зыбко-то как раз здесь, на земле, которая кажется такой твердой и надежной, но которая на самом деле весьма условна, потому как преходяща...

Не случайно Господь Сам сказал, что «небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф. 24,35). А твердь, то самое Небо, - вечно. Как вечно Царствие, названное Его именем, куда Господь вознесся на глазах своих изумленных учеников, обещая вернуться. И ничего прочнее, ничего тверже Неба - нет, да и быть не может. И каждый из нас чаёт обрести надежную почву не на этой, преходящей, а на той, незыблемой, Тверди. Иначе - смерть. То, что смердит.

Вспоминаю, как, посетив в свое время Давидову Пустынь, когда она находилась еще в начальной стадии возрождения, был изумлен не только огромным количеством ярких бабочек, облепивших стены монастыря в еще холодный мартовский день, но и рассказом молодого монаха об обретении святых мощей. Стоя посреди храма на зыбких досках, припорошенных цементной пылью, он поведал нам, паломникам, о том, что отыскать святые останки помогло... благоухание, доносившееся сквозь толщу земной породы. И в тот момент, вопреки привычным запахам большого ремонта, оно различимо ощущалось в восстанавливаемой церкви, больше напоминавшей тогда строительную площадку, как веское свидетельство по-Божески прожитой жизни и отсутствия смерти по ее окончании - успении.

Только в таком случае при долгожданной и таинственной встрече лицом к Лику не приходится испытывать стыд - или **студ**, то есть *холод*. Не потому ли грубое слово мразь, обозначающее крайнюю степень нравственного падения человека, есть не что иное, как мороз, все тот же холод...

Вот и получается, что стыд, смрад, мразь - это все об аде, о том жутком месте вдали от Бога, которое уготовано для тех несчастных, что так и не сумели преодолеть собственного окаянства - полного отсутствия покаяния, того самого иудина греха. А там где Бог - не может быть ни зловония, ни холода, ни мрака. Ведь по слову апостола Иоанна: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге» (1 Ин. 4,16).

«Честь имею!» «О чем это вы?»

А вот извечного врага рода человеческого - ворога - русское сознание идентифицирует с расхитителем чужого имущества - вором. Помню, был немало удивлен, прочитав о том, что в монастырях могли простить инока, согрешившего грехом блуда, но никогда - вора. Объяснение на удивление просто и убедительно: блудник в конечном счете наносит урон себе, своей бессмертной душе и телу, которое есть храм этой души; вор же сеет рознь, все начинают подозревать друг друга. В результате возникшего разделения оскудевает любовь. Как в пословице: у кого украли - тому грешней. Воистину: Господь соединяет, а враг разделяет.

Так стали наконец-то в полной мере понятны слова храброго вояки, поручика Ивана Игнатьича из «Капитанской дочки», который перед лицом неминуемой гибели повторил слова своего благородного командира, бросив в лицо Емельяну Пугачеву: «Ты нам не государь... Ты, дядюшка, вор и самозванец». И вправду, так было во все времена: революции замыслили и осуществляли воры и самозванцы, похищающие у одурманенных ими людей самое драгоценное - Царствие Небесное. Вор - это и есть ворог, тот самый враг, что не дремлет. Никогда!

Закономерно также, что эпиграфом к этой повести автором поставлена русская поговорка: «Береги честь смолоду!» Честь имею, честное слово, честный человек, честной народ, всечестные отцы - как привыкли мы к этим сочетаниям слов, какими естественными, привычными кажутся они нам. А между тем смыслом, заложенным в них, может похвастать далеко не всякий язык. Нет, и в других языках, безусловно, присутствует понятие о чести как о благородных свойствах души и высоком уровне нравственности. Но чаще под честью подразумевается некий набор дворянских, рыцарских, самурайских, джигитских и прочих подобных качеств, когда чуть что - хватаешься за пистолет, шпагу, меч или кинжал. Как говорится, чести дворянин не покинет, хоть головушка погибнет. Мы же ведем речь о несколько ином - о чести как понятии духовном.

«Честнейшая Херувим»

Русский язык явился в полном смысле языком-мостом, сакральным удерживающим началом, языком собирания и взаимного культурного обогащения. **Валерий Ганичев, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора.**

Самое первое знакомство со словом честь происходит в раннем детстве, когда малышу внушают, что если нашел чужую вещь или деньги, то надо непременно вернуть хозяину, иначе это будет нечестно (это не подвергается сомнению ни в одной культуре). Но как тогда прикажете понимать обращенное к Богородице: «Честнейшая Херувим»?! Помню откровение одного нецерковного человека, которого это выражение смутило по той очевидной причине, что он прибегнул к формальной логике: как это понимать - что Херувимы менее честны?! Между тем значение слова Честнейшая - это превосходящая святостью даже Херувимов. Ибо честность, в самом высоком своем градусе звучания, означает именно святость. «Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает». Во многих языках этого смысла знакомого слова нет вообще!

Курьезный случай произошел около двух десятилетий назад в одной восточной бывшей союзной республике. Ночной сторож детского сада, малограмотная женщина коренной национальности, упрекнула главного бухгалтера, русскую, в том, что ей недоплатили. Та, в свою очередь, попыталась объяснить, что ей выплатили ровно столько, сколько она заработала. Требовать же больше - нечестно. Той перевели, как смогли, - и она устроила скандал. Много дней ходила кругами и, бия себя в грудь, убеждала окружающих в том, что она честная - потому как... восемнадцать лет живет без мужа. Вот и получается, что понятие чести, честности - многоступенчато, если так можно выразиться. И в русском языке запечатлено общенациональное, не подвергаемое сомнению понимание правильно прожитой жизни как снискания святости, то есть честности.

Исконный смысл есть и в слове богатый. Воистину богатым народ может стать лишь тогда, когда происходит обожение человека путем стяжания Духа Свята. Потому и возникло в свое время известное выражение «быть не в духе» как обозначение ненормального, неправильного для православного человека состояния; ибо нормально - когда в Духе.

Как же созвучно это словам Спасителя из Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19-21).

Такому человеку - и впрямь ничего не страшно, ведь он воистину - богатырь, то есть **богатый**, имеющий Бога. Как сказано об этом в известном изречении Апостола: «Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим. 8, 31).

В.Д. ИРЗАБЕКОВ

Ещё вчера родными были лица,
И грустной кажется одна из вечных тем:
Доверие приходит по крупицам,
Уходит сразу, молча, насовсем.
Не спишь, надеешься, и вдруг услышишь:
«Я полагаюсь полностью на Вас».
Восторг! И ты летишь всё выше, выше,
А там, внизу, уж ждёт иной приказ.
Никак с собой таким не распрощаюсь,
Доверчивость - вот тяжкий крест!
Но разглядел приказ, и вновь воскрес,
Ну а на Вас уже не полагаюсь.

Hope Island 2009 Александр Сёмченко.
«Серебряные склоны»

Не ослеплён я музою моею:
Красавицей её не назовут,
И юноши, узрев её, за нею
Влюблённою толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражён бывает мельком свет
Её лица необщим выраженьем,
Её речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким
осужденьем,
Её почитит небрежной похвалой.

1829

Баратынский

Красота без доброты подобна выдохшемуся вину.

Христианство – это, прежде всего, радость.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей – мгновенна и убога.
Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога. (Н.С. Гумилёв)

Поэту и философу Восточной ветви русского зарубежья **Л.В. Гроссе** (1906-1950-е гг.) принадлежат слова:

Я - человек, я - царь, я создан Богом,
Я ведаю, что жизнь в руках Его,
И голос мой, в своём порыве строгом,
Без вышних сил не скажет ничего...

Вера в Бога, в Его неотступное попечение о нас, как и соборность, свойственна русскому человеку, особенно творческому. Л.Н. Толстой (1828-1910 гг.) устами своего героя Вронского говорил: «Божественной искры в человеке никоим образом нельзя ни заглушить, ни уничтожить; напротив, чем более будут стараться безбожные о том, чтобы придавить её и потушить, тем блистательнее будет освещать она темноту нашего времени и мрак будущих веков». Н.В. Гоголь (1809-1852 гг.) открыто молился Богу, клал поклоны, постился. В письмах к друзьям он рассказывал, насколько дороги были ему интересы святой веры, и сожалел о том, что «Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь». У Ф.М. Достоевского (1821-1881 гг.) отношение к религии менялось, но в своём «Дневнике» он писал: «Я принял вновь в мою душу Христа, Которого узнал в родительском доме ещё ребёнком и Которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в «европейского либерала».

Декабристы, сосланные в Сибирь на каторжные работы, были верующими людьми, и на одном из рудников, на могиле княгини Трубецкой, собственноручно выстроили церковь. Многие русские поэты, пережившие духовный кризис, и даже те, кто не испытывал сомнений в вопросах веры, славил величие Божие. Они были счастливы «и плакать, и черпать уроки», как русский поэт И. Никитин, и, как Н. Гумилёв, объясняя это просто: «Потому что я люблю Тебя, Господи!». Их душа по-есенински «грустила о небесах»...

Много истинно верующих и среди поэтов, и среди учёных. Святитель Московский Филарет писал: «Вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством». Противопоставление религии научному мировоззрению не только некорректно, но и неверно. Немало известных учёных выразили свою точку зрения на это. Р. Бэкон (1214-1292 гг.), английский философ, естествоиспытатель, предвосхитивший многие открытия в астрономии, писал: «Немного» науки – удаляет от Бога, «много» - приближает к нему». М.В. Ломоносов (1711-1765 гг.) говорил, что наука и религия «в распрю прийти не могут... разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрствования на них вражду восклеплет». Известно также, что русский анатом, основоположник военно-полевой хирургии Н.И. Пирогов (1810-1881 гг.) отмечал в своём «Дневнике»: «Я сделался искренне верующим, не утратив несколько моих научных мыслей и опытом приобретённых убеждений». Физиолог и психолог И.П. Павлов (1849-1936 гг.), лауреат Нобелевской премии, тоже был верующим человеком. Он писал: «Я изучаю высшую нервную деятельность и знаю, что все человеческие чувства: радость, горе, печаль, гнев, ненависть, мысли человека, самая способность мыслить и рассуждать - свя-заны, каждая из них - с особой клеткой человеческого мозга и её нервами. А когда тело пере-стаёт жить, тогда все эти чувства и мысли человека, как бы оторвавшись от мозговых клеток, уже умерших, в силу общего закона о том, что ничто - ни энергия, ни материя - не исчезает бесследно, и составляют ту душу, бессмертную душу, которую исповедует христианская вера».

Политические потрясения в начале XX в., Гражданская война в России и жёсткий курс партийно-государственной системы привели к изменению ценностных ориентиров, и в итоге - к дехристианизации. Советская власть заняла непримиримую позицию против Русской Православной церкви: закрывались и разрушались храмы и монастыри, репрессиям подвергались клирики, монахи, послушники монастырей и миряне, поддерживающие Церковь. Реакцией на усиление классовой борьбы стала массовая эмиграция из России, в том числе в Восточное Зарубежье.

Люди, не сознавая своего лукавства, вольны мудрствовать, когда они у себя дома, в родной, сладостной для слуха речевой стихии, под Покровом Пресвятой Богородицы. Они не

понимают своего счастья, оно кажется им привычным и незыблемым. Иное происходит с людьми на чужбине: они начинают понимать, что благополучие и блаженство можно найти только в Боге, только Он утоляет «жажду желаний наших». Становятся понятными известные, но забытые слова Святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Люби отечество земное... оно тебя воспитало, отличило, почтило, всем довольствует; но особенно люби отечество небесное... то отечество несравненно дороже этого, потому что оно свято и праведно, нетленно...». Да ещё слова Святого Игнатия Богоносца: «Все вы составляете из себя как бы один храм Божий, как бы жертвенник, как бы одного Иисуса». Эмигранты, русские православные христиане, с состраданием относясь к страстям Господним, благоговей перед Воскресением Спасителя, со смирением принимали тяготы жизни, разлуку с Отечеством, печали и болезни как наставление и очищение. «В этом религиозный источник русской стойкости и терпения, - писал И.А. Ильин. - Отсюда колоссальная выносливость и сила жертвенности русского народа».

Эмигранты мучительно любили потерянное Отечество, свято берегли русские традиции. Теме Веры посвятили свои стихи В.М. Статьева-Перевощикова, А.И. Несмелов, А.А. Ачаир, В.Ф. Перелешин, Л.Е. Ещин, Г.Г. Сатовский-Ржевский, М.И. Колосова, Ф. Дмитриева, Л.Н. Андерсен, Е.Н. Никобадзе, Л.Ю. Хаиндрова, Е.Н. Недельская и др.

Основным мотивом творчества поэтов-эмигрантов был мотив странничества и тоски по утраченной Родине. Один из ярчайших поэтов Восточной ветви Зарубежья А.И. Несмелов (1892-1945 гг.) писал:

Как говорит внимательный анализ,
За четверть века беженской судьбы
(Не без печали и не без борьбы)
От многого мы всё же отказались.
Но веру нашу свято мы храним,
Мы прадедовский бережём обычай
И мы потерь не сделали добычей
То, что считаем русским и святым.

В поэзии эмигрантов, как и во всей русской поэзии, глубокая философия, озарённая высоким чувством. Она подобна звонкому животворящему серебру в колокольном сплаве, отгоняющему прочь всякое зло и нечистоту. Философия сродни поэзии - ещё Феофан Прокопович в трактате «О поэтическом искусстве» писал, что «философия либо рождена, либо вскормлена поэзией»... Православное искусство устраняет насилие. А.И. Несмелов писал об этом: «Поэты, смерти мы не служим». Христианское искусство объединяет людей.

С 1924 г. до окончания Второй мировой войны Харбине проходили Дни русской культуры. «Главным было то, - вспоминает Е.П. Таскина, - что праздник воспринимался, как Слово о Родине, напоминая о принадлежности к великой русской культуре. Помню торжественные доклады, концерты, хор, духовой оркестр, конкурсы сочинений, нарядные белые фартуки и белые ленты в косах гимназисток...». К этому времени выходила однодневная газета с одноимённым названием. В газете были статьи и очерки видных общественных деятелей, учёных, педагогов, философов о памятных исторических датах России и о значении русской культуры. И сам праздник, и издание носили религиозно-культурный характер.

Дальневосточного писателя, историка, философа Вс.Н. Иванова (1888-1971 гг.) Божий промысел тоже привёл в эмиграцию, в Китай - в Харбин и другие города. В Китае он прожил более двадцати лет (1922-1945 гг.). Писатель провёл детство и юность в Костроме, в городе с тридцатью церквями и монастырями. Об этом городе Всеволод Никанорович вспоминал в Харбине: «И встал под блеском молнии вместо пунктира золотых далёких огней призрачный далёкий город, похожий на те, что пишут на иконах за спинами святых, - город Кострома...». В работе Вс.Н. Иванова «Огни в тумане. - Думы о русском опыте» (Харбин, 1932) есть такие строчки:

Люблю я приют ваш печальный
И вечер деревни глухой,
И за лесом благовест дальний,
И кровлю, и крест золотой...

В течение всей жизни Вс.Н. Иванов делал дневниковые записи в записных книжках, вёл дневник. Один такой дневник и 26 записных книжек хабаровского периода жизни писателя хранятся в Гродековском музее. Большое место в них занимают раздумья Вс.Н. Иванова о религии, о вере. «Христианство, - писал он, - это, прежде всего, радость...». «Верить более благородно, чем не верить». «Вера - откровение вещей невидимых. Вера - исполнение обещанного». «Причина атеизма - боязнь жизни, что-то неожиданное. Причина веры - радость живому миру. Атеи-

сты хотят управлять миром. Атеист боится Бога, как хулиган милиционера...». «Если мы рушим каменные церкви, то сколько тел, ещё больше - душ, готовы мы разрушить!».

Не иметь иного богатства, кроме Бога, - вот высшее счастье православного человека, да и мудреца вообще: «Кто нуждается в богатствах, тот за них боится, - замечал Сенека, - а добро, за которое тревожишься, радости не приносит». Об истинном богатстве писала Л.Ю. Хаиндрова (1910-1986) в стихотворении «Пастух»:

Пусть беден он, и плащ его в заплатках,
И краток сон, и сыр овечий плох, -
Но разве те, кто сыты и в палатах,
Богаты так, как тот, с которым Бог?

О Родине, о памятных праздниках Рождества и Пасхи, о единении народа, которое особенно чувствовалось в эти чудесные дни, о неброской природе её средней полосы и Сибири - писали поэты-эмигранты. В их душе и сознании Родина сливалась с Православием; поэт возносил свои стихи-молитвы Богу и родному берёзовому краю с покосившимся плетнём и васильками во ржи. Он, как святыню, берёг русскую культуру, слитую в Православии, как в животворящем звоне церковного колокола...

С 1920 по 1924 г. в Харбине выходил религиозно-просветительский журнал «Сеятель» а с 1926 г. - духовно-нравственный, православный иллюстративный ежемесячный журнал «Хлеб небесный», первым редактором которого был богослов, монах и иеромонах Ювеналий. Журнал публиковал, в основном, богословские работы, а с 1929 по 1946 г. - с перерывом в восемь месяцев - выходило бесплатное приложение к нему «Детское чтение», в издании которого участвовали литераторы и поэты.

Харбин, а позже и другие города Китая, осваиваясь эмигрантами из России, украшались храмами - шедеврами русского зодчества. Строительство храмов в Харбине началось со времени его основания. Освящение первого храма в Старом Харбине состоялось в мае 1899 года. Проект его выполнили в Петербурге: церковь строилась под руководством архитектора А.К. Левтеева, из брёвен, в стиле русских шатровых церквей, и поражала своей красотой. Она имела форму креста, а шатровый купол и звонница украшали главы с шашечным покрытием. Главной иконой храма был образ Святого Николая, присланный из России. Позже храм стал кафедральным собором.

Харбинскому Кафедральному Св.-Николаевскому Собору и его строителям поэт Г.Г. Сатовский-Ржевский (1907-1955 г.) посвятил стихотворение «Корабль»:

Летним днём, одетый пышным златом
Драгоценной солнечной парчи,
Ты – летящий, лёгкий и крылатый,
Внемля Богу, благостно молчишь.
Иль, купаясь в проливной лазури,
Умываясь пеной облаков,
Будишь ты дремоту тихих улиц
Золотым дождём колоколов!

В состав Харбинской епархии, которая берёт начало с 1922 г., во время её расцвета входило 60 приходов с монастырями при ста священнослужителях. В небольшом Харбине был открыт 21 храм. Храмы были центрами благотворительной деятельности духовенства и прихожан: при Свято-Николаевском соборе существовало братство «Нечаянные радости», которое помогало тем, у кого случалась беда. При Иверском храме был Серафимовский приют для мальчиков-сирот, Серафимовский Дом для престарелых, Серафимовская столовая. При Доме милосердия - приют для девочек-сирот и престарелых; при Софийском храме - Дом-убежище для русских беженцев. Русские священники и поэты объединяли эмигрантов и поддерживали в них пламя патриотизма и духовности...

Автор этих строк в начале 2000-х гг. встречал в Токио священнослужителя, отец которого кормил паству из МГУ. Ныне открываются храмы, новые православные верующие начинают церковную жизнь. Сбываются слова философа И.А. Ильина: «Быть русским - значит созерцать Россию в Божьем луче, в её вечной ткани, её непреходящей субстанции, и с любовью принимать её как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским - значит верить в Россию... Без веры в Россию нам не возродить её».

Наша драматическая история заставляет нас надеяться, что Бог пребывает в русских душах, что Россия на пути к возрождению...

Н.П. Гребенюкова. Хабаровск.

РУССКИЙ ХРАМ

Иду вдоль этих древних стен -
Года вмурованы в столетья...
О нет, не всё на свете тлен -
Есть в мире место для бессмертья.

Взмывают в небо купола -
И слева слышен звон, и справа...
Не говорите - Русь «была»,
И что её вся в прошлом слава.

Средь канувших эпох и драм
Людская жизнь сродни мгновенью.
Но нашей веры светлый храм
Стоит в веках назло забвенью.

Народы разные, пыля,
Шагают по своим дорогам...
А Русь, пока стоит земля,
За всех заступница пред Богом.

Александр Бывшев.
Россия.

Чёрные цветы

По склону бесприютному земли
Плетутся годы тяжкими шагами.
И пахнут вёрсты страхами и гарью.
Дымы-беспутья дали замели.
Стрельнёт навывлет смерти алчный взгляд.
И прочь метнутся призрачные тени.
И что ни новый шаг – одни потери.
И – ни одной не возвратить назад.
И дням вослед торопятся кресты.
О, Господи, не дай от горя спятить!..
Кровоточит опять Христа распятье.
В венке рассвета – чёрные цветы.

Тамара ГОНЧАРОВА
«Светлая Лира» Горловка. Украина.

Суета

Все – суета сует, и тленно все, что мило, -
Уйдет, растает, точно из кадила,
В высь купола струящийся дымок.
Лишь звук молитв и вечен, и глубок...

Все – суета сует, все только обольщенье,
Любовь в душе горит всего мгновенье,
Лишь в Вечной Книге смысл вечен строк,
Лишь звук молитв, и вечен и глубок.

«Рубеж». 1935. № 50; **Сергей Сергин.**

Святогорье

Здесь небо ярче и светлей,
И в каждой луже – звезды горсткой,
Нет сердцу на земле милей
Дубрав и сосен Святогорска.
Спит монастырь глубоким сном,
А, может, думает он думу.
И в этом княжестве лесном,
Вдали от суеты и шума,
Вдруг понимаешь – города
Плетут для нас цветные сети,
Но душу тянет лишь сюда,
Где ближе Бог и чище ветер.
Мне не заменят сей чертог
Ни море и ни солнце Юга,
Здесь говорит со мною Бог –
Любите землю и друг друга.

Александр КУРАПЦЕВ
Артёмово, Дзержинск.
«Светлая Лира»

Одну пожилую пару, прожившую 60 лет вместе, спросили: - Как вам удалось так долго прожить вместе? - Понимаете, мы родились и выросли в те времена, когда сломавшиеся вещи чинили..

Письма читателей

30-4-2012 Здравствуйте дорогая Тамара Николаевна! Большое спасибо за номер "Жемчужины"

Тамара Николаевна нет ли у Вас информации о Павле Сухатине? Это первый муж Ольги Алексеевны Скопиченко, который в 1949 г. из Китая эмигрировал в Австралию, где и умер. Скопиченко по каким-то причинам почти не упоминала о нем... Возможно Вам это будет интересно. **В. Суманосов.** Россия.

1-5-2012 Воистину Воскресе! Спасибо, что не забываете о нас! Уже звоню, радую наших соавторов, которые попали в Ваш журнал.

Иван Нечипорук. Украина.

1-5-2012 Дорогая Тамара, Прежде всего, большое спасибо за электронную версию Вашего журнала. Это - неоценимый для меня подарок...

Ваш Абрам (Троицын). Сидней.

1-5-2012 Hi Tamara. Thanks for the mag. Its now in Chita, Moscow, San Francisco as well as Canada and various capitals of Australia. Enjoyed looking through it...

Cheers. **Con (Drozdovskii).** Brisbane.

(From: Домнин Игорь. Date: 2012/4/30 → Subject: Re: журнал. To: Con Drozdovskii)

1-5-2012 Тамара. Благодарю за электронную версию журнала и публикацию. Удачи и счастья Вам! С уважением, **Андрей Медведев.** Украина.

Константин, большое спасибо за "Жемчужину" № 50. Тамара Малеевская - подлинный подвижник и ревнитель Русского Слова - Русской культуры. Знаю, сколь непросто дается такое дело, которое она возложила на свои плечи. И дай ей Бог! К сожалению, я не могу сейчас предметнее отреагировать - клещами держат неотложные задачи. Но несколько позже вернемся к "австралийскому вектору" Русского Рассеяния...

Ваш **И. Домнин.** Москва.

Библ.-Фонд Русское Зарубежье им. Солженицына.

2-5-2012 Спасибо за поздравление и электронную версию журнала, сейчас открою... О, Тамара, глубоко тронут! Большое спасибо. Файл долго открывался, но сейчас, когда скопировал, с волнением пробежал текст глазами, чтобы потом почитать более основательно. Отличный номер! Поздравляю с юбилеем журнала. Даже трудно поверить - уже пятидесятый номер. И какая компания, я имею в виду не только классиков, но и своих друзей. Татьяне Гладких будет очень приятно. Да и мое стихотворение выбрали как раз то, что более всего отвечает моей сути. Я ведь из семьи военных, а это - на всю жизнь. Думаю, что и русские волонтеры на чужбине могли бы меня понять. Так что большое спасибо!

Ваш друг **Владимир Иванов-Ардашев.** Хабаровск.

2-5-2012 Дорогая Тамара! Сердечно поздравляю тебя с 50-м выпуском "Жемчужины". Чувствуется сколько труда, души, любви вложено. Я 13 лет издавала Вестник для Русского Этнического Представительства НЮУ. Это не был твой уровень и твой объем, но просто я имею представление об этой работе и поэтому в восхищении от твоей работы. Я просмотрела, но еще серьезно не читала. Очень красиво оформлено. Desktop Publishing у тебя на высоте. Еще раз поздравляю.

Сил, терпения, Вдохновения!!! **Наташа Лобастова** (Сидней).

2-5-2012 Тамара Николаевна, благодарю Вас за публикацию! Для меня это большая честь и большая радость. Будет ли у Вас возможность направить мне экземпляр или pdf версию? Творческих успехов! С уважением и благодарностью,

Александр Капусткин

14-5-2012 Здравствуйте, Тамара Николаевна! Посылаю Вам мои «встречи» с К.Паустовским. На одной из полок нашей домашней библиотеки стояла книга, обёрнутая пожелтевшей газетой. Книга была потрёпанная, без начала и конца. Я тогда была школьницей и, увидев старую книгу в старой газете, решила её прочитать. Это оказались повести, рассказы и сказки Константина Паустовского. Помню, что огромное впечатление произвёл на меня рассказ «Сказочник» (Христиан Андерсен). В моём детском воображении образ сказочника был какой-то каменно-туманной глыбой и вдруг предстал обычным безгранично добрым и несчастливым человеком...

Письма читателей

Следующая встреча произошла через несколько лет. Захотелось перечитать ту, старую, потрепанную книжку. С упоением читала о Мещерской стороне. Казалось, я собственными глазами вижу «...лесные озёра с тёмной водой, обширные болота, покрытые ольхой и осиной, одинокие, обугленные от старости избы лесников, пески, можжевельник, вереск, косяки журавлей и знакомые нам под всеми широтами звёзды».

Примерно в то же время у нас в одной газете была опубликована статья, в которой говорилось, что было бы хорошо, если б у нас на Украине появилось как можно больше зарубежной литературы, переведенной на украинский язык. Дочитывая эту статью, я уже знала, что переводу замечательный рассказ К.Паустовского «Снег». Рассказ «Снег» по-прежнему волнует романтичностью, чистотой и порядочностью героев. И катятся слёзы благодарности автору за бесхитростный рассказ, который тревожит что-то такое в душе, от чего она как бы обновляется. И жизнь кажется прекрасной несмотря ни на что. А на третью встречу с К.Паустовским мы отправились вместе с маленьким сыном. Читала ему, а у самой голос дрожит. Какой же это великий талант, чтоб просто и без пафоса писать произведения, пронизывающие своей искренностью, простотой и любовью к природе, к своей земле. Вот такая история...

С уважением. **Наталья Калиненко**. Украина.

14-5-2012 Многоуважаемая и дорогая Тамара, поздравляю Вас... и шлю наилучшие пожелания - успеха в творческой литературной деятельности и личного счастья. Ваш журнал "Жемчужина" только что отпраздновал издание № 50. Поздравляю Вас и желаю дальнейших успехов. Чувствую, что Вы очень заинтересованы Вашим новым электронным журналом. Уважающая Вас, **Е. Казанская**. Сидней.

15-5-2012 Дорогая Тамара, большое спасибо, сегодня получили журнал и уже начали читать. Много интересного. Большое спасибо. С уважением,
Наташа Михайлидис, Сидней.

5-6-2012 Дорогая Тамара Николаевна! Поздравляю Вас с Праздником Пресвятой Троицы и Духовым Днём! Сердечно благодарю за присланный юбилейный номер драгоценной "Жемчужины". Желаю Вам и всем соратникам и сподвижникам Вашим помощи Божией на благородном поприще служения русскому слову и русской культуре! Многая и благая лета!

Ваш **Василий Д. Ирзабеков**. Москва.

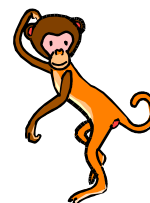
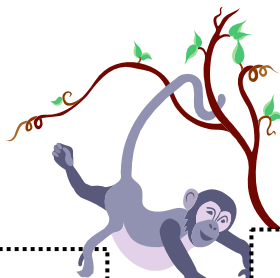
9-6-2012 Добрый день, Тамара! Только что заходил в литературный отдел, Наташа показала бандероль с вашим юбилейным журналом, и я с удовольствием его посмотрел. Электронная же версия журнала в моем компьютере. Все очень интересно. Ну и, конечно, очень благодарен за публикацию моего стихотворения. Всего доброго и до следующих весточек!

Владимир Иванов-Ардашев. Хабаровск.

9-6-2012 Дорогая моя Тамара, моя голубка! Получила "Жемчужину", прочитала, но никак не могу дозвониться до Татьяны Гладких, чтобы порадовать её! Такая досада! Она бы очень порадовалась... Целую, всегда Ваша **Наташа (Гребенюкова)**. Хабаровск.

Мудрость не всегда приходит с возрастом! Бывает, что возраст приходит один!

Недопитая бутылка подобна высшему образованию: когда-нибудь потом, обязательно пригодится.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

Продолжение...

V

Бессонов, держа в руке рюмку с вином, поднял на меня свои оживившиеся и покрасневшие глаза, и на лице его ясно выразилось неудовольствие. Он встал с места и подошел к нам.

- Вы здесь? Какими судьбами?

- Приехали посмотреть на вас, - ответил я, улыбаясь. - И я не жалею, потому что...

Он поймал мой взор, скользнувший по его подруге, и резко перебил меня:

- Не надейтесь... Этот Гельфрейх уже сказал вам... Но из этого ничего не выйдет. Я не допущу. Я увезу ее...

И быстро подойдя к ней, он громко сказал:

- Надежда Николаевна, поедemте отсюда.

Она повернула голову, и я увидел в первый раз ее удивленное лицо.

Да, я увидел ее в первый раз в этом вертепе. Она сидела здесь с этим человеком, иногда спускавшимся из своей эгоистической деятельной и высокомерной жизни до разгула; она сидела за опорожненной бутылкой вина; глаза ее были немного красны, бледное лицо измято, костюм небрежен и резок. Вокруг нас теснилась толпа празднующихся гуляк, купцов, отчаявшихся в возможности жить не напиваясь, несчастных приказчиков, проводящих жизнь за прилавками и отводящих свою убогую душу только в таких притонах, падших женщин и девушек, только-только прикоснувшихся губами к гнусной чаше, разных модисток, магазинных девочек. Я видел, что она уже падает в ту бездну, о которой говорил мне Бессонов, если уже совсем не упала туда...

- Поедем же, поедem, Надежда Николаевна! - торопил Бессонов.

Она встала и, смотря на него с удивлением, спросила:

- Зачем? Куда?

- Я не хочу оставаться здесь...

- И можете ехать... Это, кажется, ваш знакомый и Гельфрейх?

- Послушай, Надя... - резко сказал Бессонов.

Она нахмурила брови и бросила на него гневный взгляд.

- Кто вам дал право так обращаться ко мне? Сенечка, милый мой, здравствуйте!

Семен поймал ее руки и крепко жал их.

- Послушай, Бессонов, - сказал он, - полно дурить. Поезжай домой, если хочешь, или оставайся, а Надежда Николаевна останется с нами. У нас есть к ней дело, и очень важное. Надежда Николаевна, позвольте вам представить: Лопатин, мой друг и его (он указал на нахмурившегося Бессонова) также друг, художник.

- Как она картины любит, Андрей! - вдруг радостно сказал он мне. - В прошлом году я водил ее по выставке. И твои этюды видели. Помните?

- Помню, - ответила она.

- Надежда Николаевна! - еще раз сказал Бессонов.

- Оставьте меня... Поезжайте куда вам угодно. Я остаюсь с Сеней и вот с... m-г Лопатиным. Я хочу душу отвести от вас! - вдруг вскрикнула она, видя, что Бессонов хочет сказать еще что-то. - Вы опротивели мне. Оставьте, уезжайте...

Он резко отвернулся и вышел, не простясь ни с кем.

- Так лучше... без него... - сказала Надежда Николаевна и тяжело вздохнула.

- Отчего вы вздыхаете, Надежда Николаевна? - спросил Сенечка.

- Отчего? Оттого, что то, что позволено всем этим калекам (она движением головы показала на теснившуюся вокруг нас толпу), то не должен позволять себе он... Ну да все равно, тоска, надоело все это. Нет, не надоело... хуже. Слова не подберешь. Сенечка, давайте пить?

Семен жалобно взглянул на меня.

- Вот видите ли, Надежда Николаевна, и рад бы, да нельзя; вот он...

- Что ж он? И он с нами выпьет.

- Он не станет.

- Ну, так вы.

- Он не позволит.

- Это скверно... Кто же вам может не позволить?

- Я дал слово, что буду его слушаться.

Надежда Николаевна внимательно посмотрела на меня.

- Вот как! - сказала она. - Ну, вольному воля, спасенному рай. Если не хотите, не нужно. Я буду одна.

- Надежда Николаевна, - начал я, - простите, что при первом знакомстве...

Я почувствовал, что румянец заливает мне щеки. Она, улыбаясь, смотрела на меня.

- Ну, что вам?

- При первом же знакомстве я просил бы вас... не делать этого, не держать себя так... Я хотел просить вас еще об одном одолжении.

Лицо ее подернулось грустью.

- Не держать себя так? - сказала она. - Боюсь, что я уже не могу держать себя иначе: отвыкла. Ну, хорошо; чтобы сделать вам приятное, попробую. А одолжение?

Я, заикаясь, путаясь в словах и конфузясь, рассказал ей, в чем дело. Она внимательно слушала, уставив свои серые глаза прямо на меня. Напряженное ли внимание, с каким она вникала в мои слова, или что-то другое придавало ее взору суровое и немного жестокое выражение.

- Хорошо, - сказала она наконец. - Понимаю, что вам нужно. Я и лицо себе такое сострою.

- Можно без этого обойтись, Надежда Николаевна, лишь бы ваше лицо...

- Хорошо, хорошо. Когда же мне быть у вас?

- Завтра, в одиннадцать часов, если можно.

- Так рано? Ну, так, значит, надо ехать спать ложиться. Сенечка, вы проводите меня?

- Надежда Николаевна, - сказал я, - мы не условились еще об одной вещи: это ведь даром не делается.

- Что ж, вы мне платить будете, что ли? - сказала она, и я почувствовал, что в ее голосе звенит что-то гордое и оскорбленное.

- Да, платить; иначе я не хочу, - решительно сказал я.

Она окинула меня высокомерным, даже дерзким взглядом, но почти тотчас же лицо ее приняло задумчивое выражение. Мы молчали. Мне было неловко. Слабая краска показалась на ее щеках, и глаза вспыхнули.

- Хорошо, - сказала она, - платите. Сколько другим натурщицам, столько и мне. Сколько я получу за всю Шарлотту, Сенечка?

- Рублей шестьдесят, я думаю, - ответил он.

- А сколько времени вы будете ее писать?

- Месяц.

- Хорошо, очень хорошо! - оживленно сказала она. - Я попробую брать с вас деньги. Спасибо вам!

Она протянула мне свою тонкую руку и крепко пожала мою.

- Он у вас ночует? - спросила она, оборачиваясь ко мне.

- У меня, у меня.

- Я сейчас отпущу его. Только пусть доведет.

Через полчаса я был дома, а через пять минут после меня вернулся Гельфрейх. Мы разделись, легли и потушили свечи. Я начинал уже засыпать.

- Ты спишь, Лопатин? - вдруг раздался в темноте Сенечкин голос.

- Нет, а что?

- Вот что: я сейчас же дал бы отрубить себе левую руку, чтобы этой женщине было хорошо и чисто, - сказал он взволнованным голосом.

- Отчего же не правую? - спросил я, засыпая.

- Глупый! А писать-то чем я буду? - серьезно спросил Сенечка.

VI

Когда я проснулся на другой день, в окно уже глядело серое утро.

Посмотрев на слабо освещенное бледное миловидное лицо Гельфрейха, спавшего на диване, вспомнив вчерашний вечер и то, что у меня будет натурщица для картины, я повернулся на другой бок и снова заснул чутким утренним сном.

- Лопатин! - раздался голос.

Я слышал его во сне. Он совпал с моим сновидением, и я не просыпался, но кто-то трогал меня за плечо.

- Лопатин, проснитесь, - говорил голос. Я вскочил на ноги и увидел Бессонова.

- Это вы, Сергей Васильевич?

- Я. Не ждали так рано? - тихо сказал он. - Говорите тише: я не хотел бы разбудить горбуна.

- Что вам нужно?

- Оденьтесь, умойтесь; я скажу. Пойдемте в другую комнату. Пусть он спит.

Я забрал под мышку платье и сапоги и вышел одеваться в мастерскую. Бессонов был очень бледен.

- Вы, кажется, не спали эту ночь? - спросил я.

- Нет, спал. Встал очень рано и работал. Скажите, чтобы нам дали чаю, и поговорим. Кстати, покажите вашу картину.

- Не стоит теперь, Сергей Васильевич. Вот погодите, скоро кончу ее в исправленном и настоящем виде. Может быть, вам неприятно, что я поступил против вашего желания, но вы не поверите, как я рад, что кончу, что это так случилось. Лучше Надежды Николаевны я и ожидать для себя ничего не мог.

- Я не допущу того, чтобы вы писали с нее, - глухо сказал он.

- Сергей Васильевич, вы, кажется, пришли ссориться со мной?

- Я не допущу ее бывать у вас каждый день, проводить с вами целые часы. Не позволю ей.

- Есть ли у вас такая власть? Как вы можете не позволить ей? Как вы можете не позволить мне? - спрашивал я, чувствуя, что начинаю раздражаться.

- Власть... Власть... Нескольких слов будет довольно. Я напому ей, что такое она. Я скажу ей, что такое вы. Я скажу ей о вашей сестре, Софье Михайловне...

- Я не позволю вам заикаться о моей сестре. Если есть у вас право на эту женщину, - пусть правда то, что вы мне говорили о ней, пусть она пала, пусть десятки людей имеют на нее такие же права, как вы, - у вас есть право на нее, но у вас нет прав на мою сестру. Я запрещаю вам говорить ей что-нибудь о сестре! Слышите?

Я чувствовал, что голос мой зазвенел угрозой. Он начинал выводить меня из себя.

- Так вот как! Вы показываете когти! Я не знал, что они у вас есть. Хорошо, вы правы: на Софью Михайловну я не имею никаких прав. Я не осмелюсь поминать имя ее всуе. Но эта... эта...

Он в волнении несколько раз прошелся из угла в угол комнаты. Я видел, что он взволнован серьезно. Я не понимал, что с ним делается. В прошлый наш разговор он и словами и тоном своим выразил такое нескрываемое презрение к этой женщине, а теперь... Неужели?..

- Сергей Васильевич, - сказал я, - вы любите ее!

Он остановился, взглянул на меня странным взглядом и отрывисто промолвил:

- Нет.

- Что же вас точит? Из-за чего вы подняли всю эту бурю? Не могу же я поверить, что вы печетесь о спасении моей души из когтей этого воображаемого дьявола.

- Это мое дело, - сказал он. - Но помните, что каким бы то ни было путем, а я помешаю вам... Я не позволю! Слышите? - задорно крикнул он.

Я почувствовал, что кровь бросилась мне в голову. В том углу, где я стоял в это время спиной к стене, был навален разный хлам: холсты, кисти, сломанный мольберт.

Тут же стояла палка с острым железным наконечником, к которой во время летних работ привинчивается большой зонт. Случайно я взял в руки это копьё, и когда Бессонов сказал мне свое «не позволю», я со всего размаха вонзил острие в пол. Четырехгранное железо ушло в доски на вершок.

Я не сказал ни слова, но Бессонов взглянул на меня изумленными и даже, как мне показалось, испуганными глазами.

- Прощайте, - сказал он. - Я ухожу. Вы чересчур раздражены.

Я уже успел успокоиться.

- Постойте, - сказал я. - Останьтесь.

- Нет, мне нужно. До свидания!

Он ушел. Я с усилием вытащил копьё из пола и помню, что коснулся пальцем слегка нагретого блестящего железа. Мне в первый раз пришлось в голову, что это - страшное оружие, которым легко положить человека на месте.

Гельфрейх ушел в академию, я не без волнения ожидал свою натурщицу. Я поставил совсем новый холст и приготовил все нужное.

Я не могу сказать, чтобы я думал тогда только о своей картине. Я вспоминал вчерашний вечер с его странной, еще не виданной мною обстановкой, неожиданную и счастливую для меня встречу, эту странную женщину, падшую женщину, которая сразу привлекла все мои симпатии, странное поведение Бессонова... Что ему нужно от меня? Не любит ли он ее в самом деле? Зачем тогда это презрительное отношение к ней? Разве не мог бы он спасти ее?

Я думал обо всем этом, а рука с углем ходила по холсту; я делал наброски позы, в которой хотел представить Надежду Николаевну, и стирал их один за другим.

Ровно в одиннадцать часов зазвенел колокольчик. Через минуту она в первый раз показалась на пороге моей комнаты. О, как я помню ее бледное лицо, когда она, волнуясь и стыдясь (да, стыд сменил ее вчерашнее выражение), молча стояла в дверях! Она точно не смела войти в эту комнату, где нашла потом свое счастье, единственную свою светлую полосу жизни и... гибель. Не ту гибель, о которой говорил Бессонов... Я не могу писать об этом. Я подожду и успокоюсь.

VII

Соня не знает, что я пишу эти горькие страницы. По-прежнему каждый день она сидит у моей постели или кресла. Часто заходит ко мне и мой друг, мой бедный горбатый. Он очень похудел и осунулся и большею частью молчит. Соня говорит, что он упорно работает... Дай Бог ему счастья и успеха!

Она пришла, как обещала, ровно в одиннадцать часов. Она вошла робко, застенчиво ответив на мое приветствие, и молча села на кресло, стоявшее в углу мастерской.

- Вы очень точны, Надежда Николаевна, - сказал я, накладывая краски на палитру.

Она взглянула на меня и ничего не ответила.

- Я не знаю, как благодарить вас за ваше согласие... - продолжал я, чувствуя, что краснею от смущения. Я хотел сказать ей что-то совсем другое. - Я так долго не мог найти натурщицы, что совсем было бросил картину.

- Разве у вас при академии их нет? - спросила она.

- Есть, но они мне негодились. Посмотрите вот это лицо.

Я достал из лежавшей на столе кучи всякого хлама карточку Анны Ивановны и подал ей. Она взглянула и слабо улыбнулась.

- Да, это вам не годится, - сказала она. - Это не Шарлотта Корде.

- Вы знаете историю Шарлотты Корде? - спросил я. Она взглянула на меня со странным выражением удивления, смешанного с каким-то горьким чувством.

- Почему же мне не знать? - спросила она. - Я кое-чему училась. Я забыла теперь многое, ведя эту жизнь, и все-таки кое-что помню. А таких вещей забыть нельзя...

- Где вы учились, Надежда Николаевна?

- Зачем вам знать это? Если можно, будем начинать. Тон ее вдруг изменился: она проговорила эти слова отрывисто и мрачно, как говорила вчера Бессонову.

Я замолчал. Достав из шкафа давно уже сшитое мною синее платье, чепчик и все принадлежности костюма Шарлотты, я попросил ее выйти в другую комнату и переодеться. Я едва успел приготовить все, что мне было нужно для работы, как она уже вернулась.

Передо мной стояла моя картина.

- Ах, боже мой! Боже мой! - заговорил я с восторгом. - Как это хорошо, как это хорошо! Скажите, Надежда Николаевна, не виделись ли мы прежде? Иначе это невозможно объяснить. Я представлял себе свою картину именно такой, как вы теперь. Я думаю, что я вас видел где-нибудь. Ваше лицо, может быть, бессознательно запечатлелось в моей памяти... Скажите, где я видел вас?

- Где вы могли видеть меня? - переспросила она. - Не знаю. Я не встречалась с вами до вчерашнего дня. Начинайте, пожалуйста. Поставьте меня, как нужно, и пишите.

Я попросил ее стать на место, поправил складки платья, слегка коснулся ее рук, придав им то беспомощное положение, какое всегда представлял себе, и отошел к мольберту.

Она стояла передо мною... Она стоит передо мною и теперь, вот тут, на этом холсте... Она, как живая, смотрит на меня. У нее то же печальное и задумчивое выражение, та же черта смерти на бледном лице, какие были в то утро.

Я стер все начерченное углем на холсте и быстро набросал Надежду Николаевну. Потом я стал писать. Никогда - ни прежде, ни после - мне не удавалось работать так быстро и успешно. Время летело незаметно, и только через час я, взглянув на лицо своей модели, увидел, что она сейчас упадет от усталости.

- Простите, простите меня... - сказал я, сводя ее с возвышения, на котором она стояла, и усаживая в кресло. - Я совсем измучил вас.

- Ничего, - ответила она, бледная, но улыбающаяся. - Уж если зарабатывать себе хлеб, то нужно пострадать немножко. Я рада, что вы так увлеклись. Можно посмотреть? - сказала она, кивнув головой на картину, лица которой она не видела.

- Конечно, конечно!

- Ах, какая мазня! - вскрикнула она. - Я никогда еще не видела начала работы художника. И как это интересно! И знаете, уже в этой мазне я вижу то, что должно быть... Вы задумали хорошую картину, Андрей Николаевич. Я постараюсь сделать все, чтобы она вышла... насколько от меня это зависит.

- Что же вы можете сделать?

- Я говорила вчера... Я сделаю вам выражение. Вам будет легче работать.

Она быстро стала на свое место, подняла голову, уронила белые руки, и на ее лице отразилось все, о чем мечтал я для своей картины. Тут были решимость и тоска, гордость и страх, любовь и ненависть...

- Так? - спросила она. - Если так, то я буду стоять сколько угодно.

- Лучше мне ничего не нужно, Надежда Николаевна; но ведь вам будет трудно сохранять подолгу такое выражение. Благодарю вас. Посмотрим. До этого еще далеко... Позвольте пропустить вас позавтракать со мною...

Она долго отказывалась, но потом согласилась.

Моя поилница и кормилица Агафья Алексеевна принесла завтрак; мы в первый раз сели за стол вместе. Сколько раз это случалось потом! Надежда Николаевна ела мало и молча; она, видимо, стеснялась. Я налил в ее стакан вина, которое она выпила почти сразу. Румянец заиграл на ее бледных щеках.

- Скажите, - вдруг спросила она, - вы давно знаете Бессонова?

Я не ожидал этого вопроса. Вспомнив все, что произошло между мною и Бессоновым из-за нее, я смутился.

- Отчего вы краснеете? Впрочем, все равно; только ответьте мне на вопрос.

- Давно. С детства.

- Он хороший человек?

- Да, по-моему, он хороший человек. Он честен, много работает. Он очень талантливый человек. Он хорошо относится к матери.

- У него есть мать? Где она?

- В ***. Там у нее есть маленький домик. Он высылает ей деньги и сам иногда туда ездит. Я никогда не видал матери, более влюбленной в сына.

- Зачем же он не возьмет ее сюда?

- Кажется, она сама не хочет. Впрочем, не знаю. Дом у нее там, она привыкла.

- Это неправда, - задумчиво сказала Надежда Николаевна. - Он не берет матери сюда, потому что думает, что она помешает ему. Я не знаю, я только думаю так. Она стеснит его. Это провинциалка, вдова какого-нибудь мелкого чиновника. Она будет шокировать его.

Она произнесла слово «шокировать» едко и с расстановкой.

- Я не люблю этого человека, Андрей Николаевич, - сказала она.

- За что? Он все-таки хороший человек.

- Я не люблю его. И боюсь его... Ну, будет; пойдем работать.

Она стала на место. Короткий осенний день приходил к концу.

Я работал до сумерек, давая иногда вздохнуть Надежде Николаевне, и только когда краски начали смешиваться в своих цветах и стоявшая передо мною на возвышении модель уже подернулась сумраком, я положил кисти. Надежда Николаевна переоделась и ушла.

VIII

В тот же день вечером я перевез Семена Ивановича к себе. Он жил на Садовой, в огромном, снизу доверху набитом жильцами доме, занимавшем почти целый квартал между тремя улицами. Наиболее аристократическая часть дома, выходящая на Садовую, была занята меблированными комнатами отставного капитана Грум-Скжебицкого, отдававшего свои довольно грязные и довольно большие комнаты начинающим художникам, небедным студентам и музыкантам. Таков был преимущественный состав жильцов сурового капитана, строго наблюдавшего за благочинием своего, как он выражался, «отеля».

Я поднялся по витой чугунной лестнице и вошел в коридор. Из-за первой двери слышались беглые пассажи скрипки, немного дальше завывала виолончель, а где-то в конце коридора гремел рояль. Я постучал в дверь Гельфрейха.

- Войдите! - закричал он тоненьким голосом.

Он сидел на полу и в огромный ящик укладывал свои пожитки. Чемодан, уже завязанный, лежал возле. В ящик Семен Иванович клал вещи, не придерживаясь какой-нибудь системы: на дно была положена подушка, на нее - развинченная и завернутая в бумагу лампа, затем кожаный тюфячок, сапоги, куча этюдов, ящик с красками, книги и всякая мелочь. Рядом с ящиком сидел большой рыжий кот и смотрел в глаза хозяину. Этот кот, по словам Гельфрейха, состоял у него на постоянной службе.

- Я уже готов, Андрей, - сказал Гельфрейх. - Я очень рад, что ты меня к себе берешь. Ну, скажи, был сегодня сеанс? Пришла она?

- Пришла, пришла, Сеня, - ответил я, торжествуя в душе. - Помнишь, ночью ты сказал одну фразу... что ты отдал бы свою левую руку?

- Ну? - спросил он, сев на ящик и улыбаясь.

Деньги портят мужчину! Поэтому рядом должна быть женщина - для снятия порчи!

- Я немного понимаю тебя, Сеня...

- Вот видишь! Ах, Андрей, Андрей, вытащи ее! Я не могу. Я глупый, горбатый черт. Ты сам очень хорошо знаешь, что я не протащу через всю жизнь, долгую жизнь, и тяжести одного себя без посторонней помощи, без твоей, например, а уж другого кого-нибудь поддерживать... куда мне! Мне самому нужно, чтобы меня спасали от пьянства, брали к себе, заставляли работать, держали у себя мои деньги, писали корзинки, диваны и всякую обстановку для моих ко-тов. Ах, Андрей, что бы я без тебя делал?

И во внезапном порыве нежности Сенечка вдруг соскочил со своего ящика, подбежал ко мне, обхватил меня руками и прижал голову к моей груди. Его мягкие шелковистые волосы касались моих губ. Затем так же быстро он оставил меня, побежал в угол комнаты (я имею сильное подозрение, что дорогой он стер слезинку) и уселся в кресло, стоявшее в углу, в тени.

- Ну, видишь, куда же мне! Но ты... ты - другое дело. Вытащи ее, Андрей!

Я молчал.

- Был еще один человек, который бы мог, - продолжал Семен Иванович, - но он не захотел.

- Бессонов? - спросил я.

- Да, Бессонов.

- Он давно с нею знаком, Сенечка?

- Давно; раньше меня. У этого человека в голове всё ящики и отделенница; выдвинет один, достанет билетик, прочтет, что там написано, да так и действует. Представился ему вот этот случай. Видит, падшая девушка. Ну, он сейчас себе в голову (а там у него все по алфавиту), достал, прочел: они не возвращаются никогда.

Семен Иванович не стал говорить дальше. Он облокотился подбородком на руку и задумчиво смотрел мне прямо в лицо.

- Ты расскажи мне, как они познакомились. Что за странные отношения между ними?

- После, Андрей; теперь не стану. Да, может быть, она и сама тебе расскажет. Напрасно я сказал: «может быть», наверное расскажет. Ты у меня ведь вот какой... - улыбнувшись, сказал Семен. - Поедем, нужно расплатиться с капитаном.

- Деньги у тебя есть?

- Есть, есть. Выручают коты.

Он вышел в коридор, крикнул что-то прислуге, и через минуту явился сам капитан. Это был крепкий, коренастый старик, очень свежий, с гладко выбритым лицом. Войдя в комнату, он щегольски расшаркался и подал Гельфрейху руку, мне же сделал только безмолвный поклон.

- Что пану требуется? - спросил он вежливо.

- Я уезжаю от вас, капитан.

- То есть воля пана, - ответил он, пожимая плечами. - Я был очень доволен вами, милостивый государь. Я рад, когда в моем отеле проживают прекрасные, образованные люди. Пан друг также художник? - спросил он, обращаясь ко мне со вторичным и весьма изящным поклоном. - Рекомендую себя: капитан Грум-Скжебицкий, старый солдат.

Я протянул ему руку и назвал свое имя.

- Пан Лопатин! - воскликнул капитан, выражая на своем лице почтительное удивление. - То есть известное имя. От всех учеников академии слышал. Очень счастлив знакомством. Же-лаю вам иметь славу Семирадского и Матейки... Куда же вы переезжаете? - спросил капитан Гельфрейха.

- А вот к нему... - смущенно улыбаясь, ответил Гельфрейх.

- Хотя вы и отнимаете у меня превосходного квартиранта, но я не огорчен. Дружба - это такое право... - сказал капитан, опять кланяясь. - Сейчас я принесу свою книгу.

Он вышел, бодро подняв голову. В его походке было что-то воинственное.

- Где он служил? - спросил я Сеню.

- Не знаю; только он не русский капитан. Я узнал в паспорте; он просто дворянин Ксаверий Грум-Скжебицкий. По секрету он всем говорит, что был в повстаньи. На стене у него и теперь висит «дупельтовка».

Капитан принес свою книгу и счета. Справившись с книгой и пощелкав минуты две на счетах, он объявил сумму, которую должен был ему Гельфрейх за квартиру до конца месяца и за обеды. Семен Иванович расплатился, и мы весьма дружелюбно, расстались. Когда вынесли вещи, Семен Иванович взял под мышку рыжего кота, давно уже беспокойно тершегося у его ног, подняв хвост палочкой вверх и изредка коротко мяукая (вероятно, опустошенный вид комнаты привел его в тревожное настроение), и мы уехали.

Продолжение следует

В.М. Гаршин

Рождается внезапная строка,
За ней встаёт немедленно другая,
Мелькает третья ей издалека,
Четвёртая смеётся, набегая.

И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько, я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда - не сочиняю.

Бальмонт.

*Остроумие - это наглость
с высшим образованием.*

Ты очень красив,
маленький клён.
Природа не зря
с тобой повозилась,
Листочком резным
над тобой прослезилась
И веточке каждой
отбила поклон.
Ты очень красив,
не твоя в том вина,
Что сердцу уставшему
сделался милым.
Весь день одиноко
стою у окна,
Любуясь растущей
могучею силой.

Н.В. Калининко.
7.10.1992 г. Харьков

*Если Вы хотите
занять лучшее место в доме,
Вам придётся согнать с него кошку!!!
Жизнь плюс кошка - это удивительное
сочетание, я клянусь вам!
Райнер Мария Рильке*

Стихи в японском стиле ХОККУ

Тучка присела,
Синь поглощает поля.
Дом одинокий...

* * *

Журчанье реки.
Сиротливо над сетью
Склонился рыбак.

* * *

Дождика брызги,
Яркое солнце, листва, -
Гриб затаился...

* * *

Влюблённый прибой
Нежно дышит волною,
Целует песок.

* * *

Попугай летит -
Брызги золота в крыльях.
Потерянный рай...

Тамара Малеевская,
Брисбен, Австралия.

РАССТРЕЛ

Мы с бабушкой сажали картошку. Наш небольшой участок земли около восьми соток располагался вплотную к секретному военному заводу. Производственные цеха тянулись возле обрыва правого берега реки Топи, чуть ли не на километр. В одних цехах изготавливался порох, взрывчатка. В других, по соседству, порохом и взрывчаткой начинялись снаряды, мины, патроны. До войны здесь была макаронная фабрика, как-то быстро переоборудованная с началом войны в оборонное предприятие. Об этом заводе знал весь город, а, может быть, весь Кузбасс. Да, кажется, и вся Сибирь. Шёл третий год войны. Народ крепко затянул пояса. Продукты отпускались по карточкам. Поэтому начальство военных заводов вновь позволило своим работникам иметь небольшие наделы земли рядом с надёжно охраняемыми объектами. Резонно полагая, что если уж их сотрудники работают на закрытых производствах, то им совсем ни к чему проникать на них со стороны своих земельных угодий.

К картофельным полям из противоположных частей города тянулись две дороги. Они полого поднимались от города к высокой точке берегового склона. Через полтора километра дороги сходились на вершине холма, у старой, полуразрушенной церкви. И уже от неё огородники спускались по пологому склону к своим грядкам. До большевистского переворота к храму тянулось восемь дорог, восемь концов. Как у старообрядческого креста, говорили прихожане. Два пути восходили от сёл, расположенных в устьях небольших рек, впадающих в Топь выше и ниже церкви. Четыре торные тропинки спускались из таёжных заимок, небольших скитов, заложенных верующими в глухой тайге, возле студёных ключей, не замерзающих и в сибирские зимы. А верующими, в этих ещё недавно диких звериных краях, были преимущественно староверы. Первые старообрядцы поселились в здешних глухих бездорожных местах в 17-ом веке, спасаясь от преследований патриарха Никона. Преследования инакомыслящих продолжались более двух веков. И они бежали, чаще всего в необжитые районы, в Сибирь, на север Российской империи, за кордон. И там хоронились в скитах, блюли свою веру, быт, возводили храмы, моленные дома, часовни...

На Руси храмы всегда закладывались на местах возвышенных, светлых, весёлых, звонких. В тридцатых годах большевики прикрыли церкви и в Сибири. Кресты с маковок храма сбили. Батюшку, по слухам, сгнобили, его попадью сослали на поселение в Казахстан, а малых детей забрали в приют. С тех пор Господний дом стоял заколоченный, заброшенный и постепенно разрушался. Дороги к Божьему дому зарастали чертополохом. Старухи и старики, проходя мимо церкви на свои разрешённые сотки, торопливо осеняли себя крестным знаменем, взглянув мельком на обезглавленные купола, и шли дальше. Люди моложе, из набожных семей, поозиравшись вокруг, нагибались и воровато перекрещивали себя прямым перстом на уровне живота. Облегчённо вздыхали, и, не оглядываясь на осиротевшие главы церкви, спешили за стариками.

Миновав ветшающий храм, люди, по дороге к посадкам, принимались обсуждать недавно появившиеся слухи. Поговаривали, будто бы с Колымы вернулся священник, справлявший службу в этой церкви до гонения на верующих. И прибыл он с целью отремонтировать храм, возобновить богослужение. Даже вроде и видели его уже возле моленного дома, когда он осматривал его. Уверяли даже, что вот-вот прибудет сюда и его попадья. А задержалась она лишь потому, что заехала за своими детьми в приют. Однако ничего определённого никто сказать не мог.

Картофельные пашни и военные цеха разделяли несколько рядов проволочных ошестинившихся заграждений и высоченный надёжно сколоченный досчатый забор, окантованный поверху спиральной бахромой колючей проволоки. Забор был окрашен в грязный пятнисто-зелёный цвет. За ним были видны крыши военных цехов, порохового и снарядного. Между деревянным заплотом и колючкой пролегла вспаханная, так называемая контрольная полоса. Такие полосы Женька видел в кино. Возле этих полос ходили бдительные пограничники со свирепыми собаками и внимательно всматривались в девственно чистые полосы - нет ли на них следов нарушителей. Точно таких же озабоченных людей с собаками наблюдал Женька и здесь. Они медленно продвигались навстречу друг другу за ёжистой проволокой, держа за плечами винтовки с примкнутыми штыками. Встретившись, они на мгновение останавливались, замирали, вероятно, что-то сообщали один другому - «мол, всё в порядке», и вновь расходились.

Вдоль деревянной ограды, через каждые сто метров, возвышались сторожевые вышки с двумя солдатиками и пулеметом на них. С вышек хорошо просматривалось всё пространство по обе стороны добротного заплота. Охранникам с собаками и солдатам у пулемётов на вышках вменялся строгий приказ: стрелять без предупреждения по любому, кто попытается про-

никнуть на заводскую территорию или покинуть её. Не исполнение приказа каралось по законам военного времени - расстрелом. Об этом приказе знали и все работающие на секретном заводе. А работали на оборонном предприятии в военное время женщины, подростки от четырнадцати до семнадцати лет, пенсионеры. Крепкие мужики постарше воевали на фронте, да служили в НКВД и СМЕРШе.

Привычный вид зубастого проволочного крепежа, деревянный забор, охранники с собаками, вышки с пулемётчиками давно уже не вызывали любопытства у Женьки, и он не обращал на них никакого внимания. Всё это для него, да и для окружающих огородников на делянках было нечто вроде безопасной игрушечной декорацией. Он монотонно вынимал из ведра картофелины, разрезанные для экономии на три-четыре части, втыкал их - отрезками вверх - в выкопанные бабушкой лунки, и неспешно продвигался вслед за нею. Был месяц май. Установились первые тёплые весенние дни. И сотни людей заполнили сегодня свои гряды. Торопились, пока ведро, покончить с посадкой картофеля. На вскопанных полянках копошились дети, женщины, да старики со старухами. Работали молча. Весёлых песен, как это было до войны, не пели. Лишь жаворонки журчали в вышине спокойного голубого неба. Стояла необычайно благостная тишина. Ни ветерка...

Вдруг со стороны завода донёсся хлопок, как будто кто-то, вдвоём, сильно встряхнул простыню. Тугая волна воздуха в безветренное утро толкнула Женьку. Он вскинул голову и взглянул в сторону завода. Метров сто деревянного заплота и две вышки с пулемётчиками - исчезли со своих мест! Какая-то неведомая сила вынесла огромную часть досчатой загородки и бросила её на игольчатую проволоку. Она придавила колючую преграду, и лежала на ней как пологий трап. Валялись на земле и сторожевые вышки, прихлопнутые забором. Ни солдат с собаками, ни пулемётчиков видно не было. Над пороховым цехом стоял высокий гудящий столб пламени. И тут все услышали несущееся со стороны пылающего строения жуткое, прямо-таки нечеловеческое завывание сотен глоток людей, исторгавших ужас и безысходность...

Позже Женька не мог припомнить, что случилось раньше... или одновременно: столб огня? жуткий вой? может быть, хлопок и был взрывом?

Сотни людей, только что занятых посадками, кинулись к поваленному ёжистому заграждению и замерли перед ним. Распахнув рты, как замороженные, наблюдали за пугающими, летящими во все стороны факелами огня. За хищной оскаленной проволокой, в развёрстом проёме рухнувшего забора, слева, в сотне метров от толпы запыхал от горящего корпуса ещё один цех. Из-под его плоской крыши повалил чёрный дым. Из окон периодически вырывались оранжевые языки пламени. И неслись вопли обречённых людей...

У загоревшегося здания с воем сирен тормозили десятки пожарных машин. Вокруг них зашумелись и забегали фигурки спасателей в сверкающих касках и жёстких брезентовых робах. К строению кое-где уже были приставлены раздвижные лестницы. По ним торопливо карабкались неуклюжие пожарные и тащили пустые рукава шлангов. Десятка три пожарных распределились по крыше цеха и поливали из брандспойтов его дымящую поверхность. Снизу, с земли, мощные струи воды целились в окна, из которых било тугое пламя. Горел секретный военный цех по производству снарядов, мин, патронов...

Толпа вблизи ощерившейся проволоки густела. Всё больше любопытного люда спешило к охваченному огнём зданию. И тут справа, из-за поникшего, но устоявшего после взрыва деревянного ограждения, показалась большая толпа в белых халатах, жутко воющая на одной высокой ноте «а...а-а-а!». Некоторые фигуры бегущих людей горели. Вероятно, при взрыве порохового цеха сотрудников окатило какой-то горючей жидкостью.

Толпа добежала до снесённого забора. Преодолев его, спотыкаясь и падая, побежала прочь от территории завода - прямо на любопытных. Часть бегущих людей устремилась в сторону леса.

- Быстро снимай рубашку! - крикнула Женьке бабушка.

Свою длинную холщёвую юбку она когда-то уже успела скинуть.

- Вали, вали её! - бабушка кинулась к молодой женщине, на которой горел белый халат, и сбила её с ног. Быстро закутала женщину в свою юбку, и погасила на ней огонь...

- Женька, бросайся под ноги вон тому, дымящему дядьке! Сбивай его!

Зажмурив глаза, Женька кинулся под ноги тлевшему мужику. Мужчина упал. Глаза у него были совершенно безумные, остекленевшие. Бабушка выхватила из рук Женьки его рубашку, и накрыла ею голову и плечи упавшего. Он как-то мгновенно затих.

По вскопанным грядкам бегали и отлавливали спотыкающихся, горящих мужчин, женщин, подростков... люди, которые ещё несколько минут назад спокойно занимались своей картошкой. Они вдруг оказались находчивее и энергичнее обезумевших, кричащих от боли и ужаса, вероятно, ничего не соображающих беглецов в белых халатах.

- Стой! Стрелять буду! Стоять! - неожиданно услышал Женька, нелепый, как ему показалось, приказ.

Кричали часовые, что выбрались из-под рухнувшего забора. «Пок! Пок! Пок!» - раздались звуки, напоминающие Женьке лёгкие разрывы капсулей, точно их разбивали молотком. Он замер. И тут увидел, как прямо перед ним, нелепо вскинув руки, рухнуло несколько человек в халатах. По белым одеждам на их спинах расплзались красные пятна...

- Назад! Ложись! Стреляю! - кричали пришедшие в себя охранники. Они исполняли присягу: стрелять в любого, кто бежит из зоны военного завода, через забор, через контрольную полосу, через колючее препятствие.

Женька, оказавшийся в десяти метрах от молоденького солдата, палившего по бегущим белым халатам, видел, как он плакал... Но стрелял. Передёргивал затвор, и снова жал на курок.

И тут Женька заметил, как из-под завалившейся после взрыва сторожевой вышки выбирается солдат с окровавленным, разбитым лицом и начинает разворачивать пулемёт в сторону белых халатов.

- А-а-а... а!!! Дяденька, не надо! Не стреляй! - и Женька бросился к пулемётчику, подняв высоко свои руки, как будто сдаваясь.

Но уже кто-то из старших, опередив Женьку, кинулся на пулемётчика и оглушил его плоской стороной лопаты. Женька увидел, как несколько пожилых женщин набросились на стрелявших часовых и скрутили их. Выстрелы прекратились.

Люди в халатах, бежавшие из горящего ада, стали подниматься с земли и вновь устремились прочь от разрушенного цеха. Несколько белых фигурок остались лежать на картофельных землях неподвижно. Они были застрелены.

Неожиданно с дальней вышки, устоявшей после взрывной волны, снова застрочил пулемёт. Над толпой засвистели пули. Стреляли по людям, которые спешили укрыться в лесу...

И тут раздался страшный взрыв. Женька в это время смотрел прямо на вышку, с которой палил пулемёт, на крышу горящего строения, по которой бегали спасатели с брандспойтами. Крыша здания, вместе с пожарными, вдруг медленно, как показалось Женьке, оторвалась от кирпичного цеха; на мгновение будто зависла - и вдруг исчезла. Рухнула и стрелявшая вышка. Огромный столб чёрного дыма, копоти и пламени после чудовищного взрыва снарядного корпуса вознёсся высоко в ясное голубое небо и застил солнце. Стало сумрачно.

Объятые ужасом, люди в панике кинулись бежать от проволоки, от завода. Огромная толпа детей, женщин, стариков, стремилась как можно быстрее и дальше уйти от жуткого зрелища. Клубы чёрной тучи от взлетевшего в небо здания повисли над бегущей толпой. И из этого зловещего мрака на людей сыпались кирпичи, изогнутая арматура, какие-то бачки, дымящие брёвна, доски, трубы, рваные куски металла... Толпа бежала молча, только тяжёлое дыхание и хрипы вырывались из гортани обезумевших людей. Женька видел, как - то впереди, то рядом с ним, то справа, то слева - падали мальчишки, девчонки, старики, сражённые градом убойных осколков, что сыпались на них от разнесённого взрывом на части здания.

Толпа испуганных людей добежала до нижней дороги, идущей от города к церкви, и остановилась отдышаться. Чёрный дым, начинённый поражающими обломками, понесло в сторону от людей - их перестало убивать и калечить. Люди стояли молча, затравленно осматривая друг друга. В их глазах застыл немой вопрос: «За что?!» В толпе Женька увидел высокого крепкого старика, державшего на вытянутых опущенных руках мертвую девочку лет восьми. Невидящие глаза старика были устремлены куда-то вдаль, из них непрерывно катились слёзы...

Неожиданно на пустой пыльной дороге появилась грузовая машина с солдатами. Они что-то кричали, размахивали руками, потрясали винтовками. И тут же люди увидели вторую машину вооружённых бойцов, на верхней дороге. Толпа качнулась вправо, влево, и в панике застыла в сторону от дорог... И оказалась на выжженной территории полигона.

Полигон был создан, скорее даже не создан, а просто обозначен металлическими «флажками»: прямоугольник целинной земли метров пятьдесят на семьдесят, в стороне от дорог. Сюда машинами и телегами, на лошадях, свозили бракованные отходы порохового завода. Горы страшных огнеопасных изделий, напоминавших макароны, конфеты, печенье, - серого, коричневого, красного цветов, - были свалены здесь в беспорядке, без надзора. Среди смертельных отбросов встречались белые батистовые мешочки, наполненные чёрным порохом.

Вот за этими мешочками на свалку часто бегали и мальчишки, и девчонки. Они добывали порох для своих «поджег» - самодельных самострелов. По инструкции, весь доставленный на полигон пороховой брак, обязаны были сразу уничтожать, сжигать. Увы! Жесткие инструкции исполнялись очень редко. На полигоне иногда накапливались огромные терриконы смертоносных отходов. Детвора бегала меж пороховых гор, играла в войну, собирала мешочки с порохом. В военное время многие дети курили с девяти-десяти лет. Не так чувствовался голод. Иногда парнишки, не ведая опасности, крутили из газет сигарки, высекали огонь с помощью

кресал, раздували трут и прикуривали. Искры от фитиля, кресал или брошенного, не погашенного окурка попадали на пороховые отбросы. Мгновенно взвивался огромный гудящий столб пламени, короткий вскрик бедной детворы - и спустя некоторое время, наступала зловещая дымящая тишина. Потом появлялись испуганные родители, не дождавшиеся своих детей. Подбирали неопознанные трупы и захоранивали их в общих могилках. После трагедии какое-то время инструкции по уничтожению отходов соблюдались. Даже появлялись сторожа на полигоне. Но проходило время и жуткий эпизод забывался, сторожа куда-то исчезали, и вновь на полигоне росли отвалы смертоносных отходов. И в который раз горели дети...

- Не останавливайтесь! Уходите отсюда! - закричал Женька, увидев, куда забрела толпа, испугавшись вооружённых солдат. - Это полиго-о-он! Видите, какие горы пороха насыпаны здесь! Вспыхнет, все сгорим!

По счастливой случайности Женька несколько раз избегал «полигонной» смерти. Но ему не раз доводилось присутствовать при горестном плаче родителей, пытавшихся опознать своих погибших детей, но так и не узнавших их по обугленным останкам. Женька настойчиво и торопливо прямо-таки выталкивал людей из опалённого прямоугольника. Толпа медленно, неохотно отползла от полигона. И только старик с девочкой на руках не сдвинулся с места. Он медленно опустился на высокую кучу пороховых отходов; положил на колени мёртвую внучку. Изпод него со змеиным шорохом посыпались смертоносные изделия.

- Беги, внучок, - проговорил старик мертвым голосом и достал кисет с табаком...

Женька взглянул на сидящего старика. Понял, что он не уйдёт, и бросился бежать к людям.

Толпа остановилась метрах в двухстах от полигона и с привычным страхом ожидала вооружённых бойцов. Вот одна машина с верхней дороги приблизилась к толпе, миновала её, въехала на полигон и остановилась метрах в десяти за спиной старика - меж двух гибельных насыпей. Второй грузовик тоже достиг выжженного участка, - он уткнулся в высокую кучу пороховых отходов и заглох. До старика с внучкой было не более пяти метров. Вероятно ни водители машин, ни солдаты не ведали зловещего назначения этого адского места. Молодые солдатики с винтовками быстро выпрыгнули из кузовов и бросились к старику.

Старик оглянулся на толпу испуганных людей. Затем покивал головой, удостоверившись, что они далеко. И чиркнул спичкой. Весь полигон мгновенно охватила ревущая стена огня. До толпы донёсся короткий вопль. И всё стихло. Ещё несколько минут слышны были как будто выстрелы, вероятно, рвались патроны. Через несколько минут пламя опало, будто его и не было.

Лёгкий дымок стелился над поверхностью сгоревшего прямоугольника, его относил в сторону замерших в ужасе людей. К запаху пороха примешивался какой-то приторно-сладковатый душок. Люди догадывались, что это за смрад, но боялись высказаться, признаться в этом самом себе. В толпе прошёл лишь едва слышный стон. Люди стали поспешно расходиться. На дымящей поверхности полигона остались лежать неподвижно десятка два чёрных скрюченных тел и остовы сгоревших грузовиков...

Женька прибежал домой. Матери не было. И только тут до него, наконец, дошло: мать же на работе! А место её работы - пороховой цех! Он взорвался сегодня. И мать погибла. Женька опустился на табуретку и горько, тихо заплакал. Они, сколько себя помнил Женька, жили вдвоём с матерью. Отца арестовали в тридцатых годах за «антисоветские» высказывания, когда Женьке не исполнилось и года; матери тогда было двадцать лет; больше она замуж не выходила. Как долго он проплакал - Женька не знал. Уже стемнело, когда скрипнула входная дверь и в комнату тихо вошла мать, прижимая окровавленную тряпку к левой стороне лица. Женька вскочил, бросился к матери, обнял её и, уже не сдерживаясь, громко разрыдался...

Потом они сидели в темноте и говорили, говорили. Мать всё время поглаживала Женьку по голове. Женька протягивал руку и касался матери, будто убедиться, что она снова здесь, рядом с ним. Мать, не перебивая, выслушала Женькин рассказ, кивая головой в темноте комнаты. Когда Женька замолчал, она тяжело вздохнула, встала со стула и зажгла свет. Затем отрезала от цветка алоэ отросток, разрешила вдоль, и прижала к кровоточащей ране. Женька помог матери забинтовать щеку. Помолчали.

- Дети... - наконец заговорила мать, - дети не должны работать на опасных производствах. - Ты же знаешь, Жень, у нас в цеху почти одни ребяташки на порохе стояли. От сушки до расфасовки и упаковки пакетов. Егорушка поднял ёмкость-то с жидкостью. Тяжеленную... Не справился - ну и плеснул на себя... А она ядовитая, жжётся. Он схватил щётку металлическую - и давай себя обивать! Дитё, не помнил, конечно, что нельзя железом скрести по этой жидкости. Ну и вспыхнул. Испугался. Кинулся на выход, через пороховой склад. Кто увидел - сразу же поняли: сейчас рванёт! Гуртом бросились на окна, выбили их, и бежать. Тут и ахнуло... Кого опрокинуло, кто удержался. Смотрим - городьбы нет. Часовых тоже. Мы по опрокинутому заплоту одолели колючку - и кто куда! Слышим: вой. Оглянулись - ещё бегут наши, в белых халатах; горят некоторые, кричат жутко. Стрелять стали. Мы ещё быстрее. Пули засвистели.

Смотрю, падают вокруг меня товарки, подростки, старики. Чувствую, мне щёку обожгло. Забежали в лес. Остановились. До темноты затаились, потом разбредаться стали по домам. Что-то теперь будет?..

Что случилось потом, Женька не знал. А было вот что. Ночью десятки студебекеров были выдвинуты к заводам и осветили фарами территорию, где днём разыгралась страшная трагедия. Перед грузовиками пустили сотни немецких военнопленных. Их окружало плотное кольцо охраны с автоматами. Пленные начали своё движение от порохового полигона, собирая трупы и закидывая их в кузова машин. Первыми подобрали обугленные тела солдат, винтовки с обгоревшими прикладами, старика с девочкой. Затем начали закидывать через борта женщин, подростков, стариков в белых халатах. Встречались трупы детей, женщин и стариков в рубашках, майках, платьях. Некоторые из них были ещё живы, без сознания. По приказу сурового военного в больших чинах - их всех покидали вместе с мёртвыми.

Всю ночь разрушенные взрывами цеха были ярко освещены светом фар. Вокруг и внутри рухнувших зданий, под охраной часовых, работали пленные немцы. Здесь трупов было больше. Когда кузова грузовиков наполнялись, машины покидали территорию завода. К утру всех сгоревших, убитых и раненых вывезли. Сколько их было, никто не считал, никто не знал. Позже шептались, что трупы покидали в одну яму на пригородном кладбище. Озираясь, рассказывали, будто беспамятных людей погребали вместе с мертвыми. Раненых, которые пришли в сознание, развезли по районным больницам. Ещё говорили, что при взрыве снарядного цеха, крышу с пожарными унесло за сотни метров от завода. Якобы она мягко опустилась на лес, и все пожарные остались живы. Но это вряд ли.

На следующее утро после взрывов на заводе, все, кто остался в живых, не раненные, затопились к проходной завода. Их тут же задерживали, и направляли к следователю с колючими, внимательными глазами. Следователь почти ничего не выяснил. Несколько человек с порохового цеха слово в слово подтвердили рассказ моей мамы. Эти исповеди сильно огорчили следователя. По адресам людей, работающих в день взрывов на заводе, уже с утра ходили служители бдительной организации «СМЕРШ». Многих не заставали дома, - они даже не ночевали. Родственники ничего определённого о них сказать не могли. Плакали. Люди из «СМЕРШа» могли, конечно, рассказать - где их родные, но молчали. Зашли и к матери Женьки. Выслушали её, осмотрели рану на щеке, и увезли мать с собой. Сказали в больницу. Вернулась мать через два дня. Скупое поведала, что сначала ей перевязали рану в амбулатории, а затем увезли в НКВД. Долго выясняли про взрыв порохового цеха, про мужа. Ничего нового она им сообщить не могла. Рассказала про вспыхнувшего в цеху Фёдку, про мужа: - «А муж только и сказал, что раньше всегда было сало, хлеб. Теперь же, при большевиках, и перекусить нечего после работы. За это его и забрали». Допрашивали несколько раз, но она твердила одно и то же. Наконец её отпустили. Взяли подписку о неразглашении. И сказали, что в связи с ранением, она должна подыскивать себе другую работу. Она поняла, что уволили её с режимного завода из-за мужа.

В этот же день появилась большая статья в областной газете о вредителях на заводе. В статье подробно рассказывалось как бдительная организация «СМЕРШ» выявила группу шпионов, действующих на заводе. Всех вредителей арестовали задолго до диверсии на военном заводе. К сожалению, некоторые, хорошо замаскированные враги, успели подорвать оборонные цеха. Они пытались бежать, но все до одного были перестреляны зоркими бойцами охраны.

- Мам, - это же неправда, - обратился Женька к матери, прочитав ей статью о шпионах.

- Как это неправда! Написано же... В газете врать не будут.

- Но ты же сама видела, почему полыхнул пороховой цех. У тебя же на глазах ...

- Им виднее, - перебила мать. - И ты молчи.

Так Женька впервые столкнулся с явной ложью. Через пару десятков лет это поколение, к которому принадлежал Женька, - не убитое, не сгоревшее, не сгинувшее в лагерях, - будет названо «шестидесятниками».

Через три месяца военные цеха силами немецких военнопленных были заново отстроены и начали выпускать обычную продукцию. Осенью в стране власть разрешила служение в церквях. Вернувшийся из Магаданского края батюшка организовал ремонт храма с помощью прихожан. Божий дом был освобождён от скверны, на куполах восстановили кресты. Даже отыскался изувеченный на войне художник, по редкой в эти годы технике росписи фресок, и помог реставрировать настенную иконопись. Появилась и попадаья с подростками отроками. Мальчиком и девочкой.

В сентябре в храме состоялось первое богослужение. Батюшка в своей проповеди призвал всех прихожан, верующих и неверующих, помянуть несправедно убитых, оклеветанных, спалённых, загубленных при взрывах и по жизни, рабов Божьих. Ночью его арестовали. Сгинула куда-

то и попадаю с детьми. Вернулся святой отец в конце пятидесятых годов уже ветхим старцем, и служил в храме до самой смерти. Помогали ему в богослужении родные дети.

После смерти священника, в церкви остался его сын. Последний раз Женька виделся с ним в 1994 году, когда приезжал в Сибирь проститься с родиной перед эмиграцией в Австралию. Он Женьку не помнил, но был рад хорошему разговору, памяти о своём отце, матери, минувших мрачных временах.

Печатается впервые.

Геннадий Гончаров. (Россия), Канберра.

ВОЛГА

Нечасто, но с тоскою неизбывной
Я вспоминаю Волги ширь, простор.
Хор рыбаков тоскливо-заунывный...
Нечеткий контур Жигулевских гор.

Темнеет. Вечер шествует победно.
На пристани зажегся желтый свет.
И наполняет воздух песней медной
Уютных храмов ласковый привет.

Величественно в высоте сияя,
Луна на Волгу свет спокойный льет.
Бурлит вода, под колесом вскипая, -
Как лебедь, проплывает "Самолет"...

И веет в душу тихую отрадой,
Встает одна картина за другой.
Мой дом родной за низкою оградой
И старый сад, уснувший над рекой...

Сидней. **Елена Недельская.**

Помни Россию

Меня ласково русское солнце не грело,
Не румянил мне щеки российский мороз,
Колыбельную песнь мне Отчизна не пела,
Ветер русских степей мне не путал волос.

Я не видел волшебные белые ночи, -
Мне не ведомы Киев, Москва, Петроград.

И красавицы русской прекрасные очи

Не дарили мне нежный и ласковый взгляд.

Отчего же тогда я, возвращенный чужбиной,
Я - из книг, из рассказов лишь знающий Русь,
С миллионами прочих о ней, о любимой,
Мечтая, к ней любящим сердцем стремлюсь?

Отчего же все силы свои небольшие

Я готов, я готов за Отчизну отдать?

Посмотреть на поля незнакомо-родные

И лишь воздухом русским на них подышать?

Оттого, что родился я с русской душой,

Оттого, что течет во мне русская кровь,

Оттого, что и силой нельзя никакою

Погасить в моем сердце к России любовь.

Автор: неизвестный юноша из Китая.

Только ваш настоящий друг скажет вам, что ваше лицо в грязи.

Нянькина сказка про кобылью голову

- Ну, а вы какого мнения относительно совместного воспитания мальчиков и девочек? - спросила я у своей соседки по five o'clock'у.

- Как вам сказать!.. Если бы дело шло о воспитании меня самой, то, конечно, я была бы всецело на стороне новых веяний. Ах, это было бы так забавно! Маленькие романы, сцены ревности за уроками чистописания, самоотверженная подсказка... Да, это очень увлекательно! Но для своих дочерей я предпочла бы воспитание по старой методе. Както спокойнее! И, знаете ли, мне кажется, всетаки неприятно было бы встретиться где-нибудь в обществе с господином, который когдато при вас спрягал: «Nous avons, vous avons, ils avont», или еще того хуже! Такие воспоминания очень расхолаживают.

- Все это вздор! - перебила ее хозяйка дома. - Не в этом суть! Главное, на что должно быть обращено внимание родителей и воспитателей, это - развитие в детях фантазии.

- Однако? - удивился хозяин и пожевал губами, очевидно собираясь состричь.

- Finissez! Никаких бонн и гувернанток! Никаких. Нашим детям нужна русская нянька! Простая русская нянька - вдохновительница поэтов. Вот о чем прежде всего должны заботиться русские матери.

- Pardon! - встала моя соседка. - Вы чтото сказали о поэтах... Я не совсем поняла.

- Я сказала, что русская литература многим обязана няньке. Да! Простой русской няньке! Лучший наш поэт, Пушкин, по его же собственному признанию, был вдохновлен нянькой на свои лучшие произведения. Помните, как отзывался о ней Пушкин: «Голубка дряхлая моя... голубка дряхлая моя... сокровища мои на дне твоём таятся...»

- Pardon, - вмешался молодой человек, приподняв голову над сухарницей, - это, как будто, к чернильнице...

- Что за вздор! Разве чернильница может нянчить. А все эти дивные произведения! «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин»... Ведь всему этому научила его нянька!

- Неужели и «Евгений Онегин»? - усомнилась моя соседка.

- Удивительно! - мечтательно сказал хозяин дома, - такая дивная музыка. И все это нянька!

- Finissez! Только теперь я и чувствую себя спокойно, когда взяла к детям милую старуш-ку. Она каждый вечер рассказывает детям свои очаровательные сказочки.

- Да, но, с другой стороны, излишняя фантазия тоже вредна! - заметила моя соседка. - Я знала одного дантиста, так он ужасно много о себе воображал. То есть я не то хотела сказать...

Она слегка покраснела и замолчала.

- А сколько возни было с этими боннами! Была сначала швейцарка. Боже мой, как она нас замучила! Иван Андреич до сих пор без содрогания о ней вспомнить не может. Представьте себе, чем она нас донимала? Аккуратностью. Каждое утро все оконные стекла зубной щеткой чистила. Порядки завела прямо необыкновенные. Заставила в три часа обедать, а ужинать совсем запретила. Иван Андреич стал в клуб ездить, а я, потихоньку, к Филиппову бегала пирожки есть. Теперь положительно сама не понимаю, как она такую власть над нами забрала. Прямо пикнуть не смели!

- Говорят, есть такие флюиды... - вставил хозяин, сделав умное лицо.

- Finissez! Наконец избавились от нее. Взяла немку. Все шло недурно, хотя она сильно была похожа на лошадь. Отпустишь ее с детьми гулять, а издали кажется, будто Дети на извозчике едут. Не знаю, может быть, другим и не казалось, но мне, по-крайней мере, казалось. Каждый может иметь свое мнение. Тем более, я - мать.

Мы не спорили, и она продолжала:

- Прихожу я раз в детскую, вижу - Надя и Леся укачивают кукол и какуюто немецкую песенку напевают. Я сначала даже обрадовалась успеху в немецком языке. Потом, как прислушалась, - Господи, что такое! - ушам своим не верю: «Wilhelm schlief bei seiner neuen Liebe!» - выводят своими тоненькими голосками. Я прямо чуть с ума не сошла.

В комнату вошла горничная и что-то доложила хозяйке дома.

- Аа! Вот и отлично! Теперь шесть часов, и няня сейчас начнет рассказывать детям сказку. Если хотите, господа, полюбоваться на эту картинку в жанре... в жанре... как его? - их еще два брата...

- Карл и Франц Мор, - подсказал молодой человек.

- Да, - согласилась была хозяйка, но тотчас спохватилась: - Ах нет, на «Д»...

- Решке, что ли? - помог муж.

- Finissez! В жанре... в жанре Маковского.

- Так вот - картинка в жанре Маковского. Я всегда обставляю это так фантастично. Зажигаем лампадку, няня садится на ковер, дети вокруг. C'est poétique. Так что же, пойдёмте?

Мы согласились, и хозяйка повела нас в кабинет мужа. Тихонько приоткрыв дверь в соседнюю комнату, знаком пригласила нас к молчанию и вниманию.

В детской действительно было полутемно. Горела только зеленая лампадка. И тихо. Скрипучий старушечий голос прорывался сквозь шамкающие губы и тягуче рассказывал:

- «В некотором царстве, да не в нашем государстве, жилбыл старик со старухой, старыепрестарые, и детей у них не было. Вот погоревал старик, погоревал, да и пошел в лес дрова рубить. Рубит, рубит, вдруг, откуда ни возьмись, выкатилась из лесу кобыля голова. «Здравствуй, - говорит, - папаша!» Испугался мужик, однако делать нечего. «Какой, - говорит, - я тебе, кобыля голова, папаша!» «А такой, что веди меня к себе в избу жить».

Потужил мужик, потужил, однако видит, делать нечего. Повел он кобылью голову к себе домой. Подкатилась кобыля голова под лавку; три года жила, пила, ела, мужика папашей звала. Как на третий год выкатилась кобыля голова изпод лавки и говорит мужику: «Папаша, а папаша, я жениться хочу!» Испугался мужик, однако делать нечего. «На ком же ты, - спрашивает, - кобыля голова, жениться хочешь?» «А так что, - говорит, - иди ты во дворец и сватай за меня царскую дочку».

Потужил мужик, потужил, однако делать нечего. Пошел во дворец. А во дворце царская дочка жила. Красавицараскрасавица. Носик у ей востренький, а глаза маленькие, что серпом прорезаны. И живет она богато богатеюще. Всето у нее есть, что только ее душеньке угодно. Пьет она вино шампанское, ест она масло параванское, пряником непечатным закусывает. А платье на ней с тремя оборками и Манчестером отделано. А во дворцето палаты огромные, ни пером описать. Сам царь от стула до стула на тройке ездит. А и слуг во дворце видимо невидимо. В каждом углу по пятьсот человек ночует.

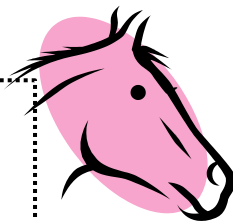
Стал старик царскую дочку за кобылью голову сватать. Потужил царь, потужил, однако видит, делать нечего. Отдал дочку за кобылью голову. Стали свадьбу играть, пошел пир горой. Поставил царь и соленого, и моченого, и жареного, и вареного, а старику подарил со своего царского плеча лапотки новехонькие да кафтан золоченый, на бумазее стеганный, и палаты каменные, и пирога кромку. Пошел старик к своей старухе. Стали они жить-поживать да детей наживать. По усам текло, а в рот не попало!»

- C'est fantastique! - хрюкнул молодой человек, зажав рот рукой.

- Тсс! Revenons в гостиную!

Надежда Тэффи.

*Можно вывести девушку из деревни,
но деревню из девушки вывести
практически невозможно.*

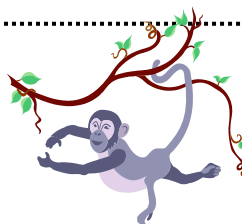
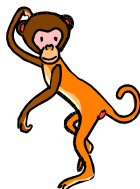
Вечереет. Закатится Солнце
В перламутрово-розовый дым.
И стекло в приоткрытом оконце
Свет лучей отразит золотым.

Чуть прохладнее запах сирени,
Что вчера расцвела под окном.
И скрипят под ногами ступени
На крылечке при входе в мой дом.

Ветер стих, не качнет занавеску,
Соловей запекает в кустах.
Май шагает, солидно и веско,
В травах, листьях и ярких цветах.

Юджин Гебер

Письмо из редакции доморощенному поэту: "Ваше предложение насчет присылки имеющихся у вас ста двадцати трех стихотворений нам не подойдет. Мало. Нам около полутора тысяч нужно. Пишите пока остальные, а там видно будет!"

**Шантаж - это такая просьба,
в которой трудно отказать.**

Хитрец

Шли два приятеля вечернею порой и дельный разговор вели между собой. Шли они по Невскому. Солнце уже зашло, но не совсем... Кое-где золотились еще домовые трубы и сверкали церковные кресты. В слегка морозном воздухе пахло весной...

- Весна близко! - говорил один приятель другому, стараясь взять его под руку. - Пакостница эта весна! Грязь везде, нездоровье, расходов много. Дачу нанимай, то да се... Ты, Павел Иванович, провинциал и не поймешь этого... Тебе не понять. У вас в провинции, как выразился однажды какой-то писатель, благодушие одно только. Ни горя, ни печалей. Едите, пьете, спите, и никаких вопросов не знаете. Не то, что мы. Подмерзать начало... Замечаешь? Впрочем, и у вас не без горя. И у вас весной своя печаль. Хе-хе-хе. Теперь у вас, провинциалов, начинает кровь играть, страсти бушуют. Мы, столичные - люди каменные, ледяные, нет в нас пламени, и страстей мы не знаем; а вы - вулканы, везуии! Пш! пш! Дышит! Хе-хе-хе... Ой, обожгусь! А признайся, Павел Иванович, сильно кровь играет?

- Не к чему ей играть, - угрюмо ответил Павел Иванович.

- Да ну, полно, оставь! Ты холостой, не старый человек, отчего ж ей и не поиграть? Пусть себе играет, коли хочет! И напрасно ты конфузишься. Ничего тут конфузного нет. Так только! (Пауза.) А какую, брат, я недавно девочку видел! какую девочку! Пальчики оближешь! Губами сто раз чмокнешь, когда увидишь! Огонь! Формы! Честное слово... Хочешь, познакомлю? Полячка. Созей зовут. Хочешь, сведу к ней?

- Гм... Извини, Семен Петрович, я тебе скажу, что этак дворянам не надлежит поступать! Не надлежит!! Это бабье дело, кабацкое, а не твое, не дворянское!

- Что такое? Да ты чего? - струсил Семен Петрович.

- Стыдно, брат! Твой отец-покойник предводителем у нас был, матушка в уважении. Стыдно! Я у тебя уже месяц гощу, и одну за тобой черту заметил: нет у тебя того знакомого, нет того встречного и поперечного, которому бы ты девочки не предлагал! То тому, то другому... И разговора у тебя другого нету. Подсватываньем занимаешься. А еще тоже женатый, почтенный, в действительные скоро полезешь, в превосходительные... Стыд, срам! Месяц живу у тебя, а ты мне уже десятую предлагаешь. Сваха!

Семен Петрович сконфузился, завертелся, точно его на карманном воровстве поймали.

- Да я ничего, - залепетал он. - Я это так только. Хе-хе-хе... Какой же ты...

Прошли шагов двадцать молча.

- Несчастный я человек! - застонал вдруг Семен Петрович, багровея и мигая глазками. - Несчастный я! Это ты верно, что я сваха! Верно! И был таким и до самой гробовой доски таким буду, ежели хочешь знать! В аду за это самое гореть буду!

Семен Петрович отчаянно махнул правой рукой, а левой провел по глазам. Цилиндр его сполз на затылок, галоши сильнее заскребли по тротуару. Кончик носа налился кровью.

- Пропадом пропаду за свое поведение! И умру не своей смертью! Погибну! Чувствую, брат, свой порок и понимаю, но ничего я с собой не поделаю. Ведь для чего я всех женским полом пичкаю? Поневоле, брат! Ей-ей, поневоле! Ревнив я, как собака! Каюсь тебе, как другу моему. Ревность меня одолела! Женился я, сам знаешь, на молоденькой, на красавице, - каждый за ней ухаживает; то есть, может быть, на нее никто и глядеть не хочет, но мне все кажется... Слепой курице, знаешь, все пшеница. Всякого шага боюсь. Намедни ты после обеда ей руку пожал только, а мне уж все показалось... Ножом пырнуть тебя захотелось. Всего боюсь! Ну, и приходится поневоле хитрость употреблять. Как только замечу, что кто-нибудь начинает увиваться около, я сейчас и подъезжаю с девочкой: не хочешь ли, мол? Отвод, хитрость военная. Дурак я! Что я делаю! Стыд, срам! Каждый день по Невскому бегаю, вербую приятелей, этих шлепохвостых тварей, вот этих подлянок! А сколько у меня на них денег сходит, ежели бы ты знал! Некоторые, приятели-то, поняли мою слабость и пользуются... На мой счет пробаваются, подлецы. Ах!

Семен Петрович взвизгнул и побледнел. По Невскому, мимо приятелей, прокатила коляска. В ней сидела молодая дамочка; vis-a-vis дамочки сидел мужчина.

- Видишь, видишь? Жена едет. Ну, как тут не ревновать?! А? Ведь это он уж третий раз с ней катается! Недаром! Недаром, шельмец! Видал, как он на нее поглядывает? Прощай. Побегу. Так не хочешь Созю? Нет? Не хочешь! Прощай. Так я ему ее, Созю-то...

Семен Петрович нахлобучил поглубже шляпу и, стуча палкой, побежал, стараясь не потерять из виду коляски.

- Отец предводителем был, - вздохнул Павел Иванович. - Матушка в уважении. И фамилия знатная, столбовая... А-а-ах! Измельчал народ!

А.П. Чехов.

Жизнь под видом

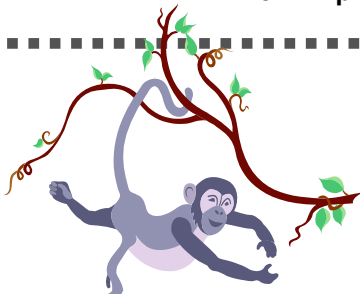
Жизнь под видом

Майор полиции Иванов вышел из дома и под видом водителя сел в свою иномарку. Затем, под видом участника дорожного движения, он доехал до здания с вывеской «Сауна» и зашёл внутрь. В сауне майор полиции Иванов под видом клиента купил проститутку, попарился с ней, расплатился и под видом хорошо отдохнувшего клиента вышел на улицу. Приняв вид посетителя, он зашёл в японский ресторанчик, где вкусно пообедал и, под видом оборотня в погонах, не рассчитался. День начинался явно удачно. Под видом майора полиции он доехал до родного отделения, где под видом посредника принял три взятки от родственников задержанных преступников и, под видом поездки на следственный эксперимент, всех их отпустил. Собрав после этого своих подчинённых, майор полиции Иванов под видом начальника отделения потребовал больше задерживать лиц с достатком выше среднего, а не нищих убийц, грабителей и насильников, с которых и взять нечего, а котедж так и стоит недостроенный. После собрания майор полиции Иванов под видом татаро-монгольского ига объехал несколько кафе, где собрал дань под видом штрафов за незаконных узбеков, а самих узбеков под видом благодетеля поселил жить в детский садик. Этот садик майор полиции Иванов ещё на прошлой неделе под видом обеспокоенного полицейского закрыл из-за несоблюдения мер по обеспечению детской безопасности, для чего пришлось ночью сломать качели, да и директриса дань платить отказалась. Закончив с этими делами, майор полиции Иванов под видом однокурсника заехал в соседнее отделение, где за ящик коньяка купил у своего однокурсника почти раскрытое дело об ограблении прохожего. Под видом доброго следователя он уговорил этого прохожего поменять адрес ограбления поближе к своему отделению и под видом честного и усталого полицейского поехал в управление отчитываться. Под видом небогатого человека майор полиции Иванов доехал до управления на трамвае, но всё равно после отчёта денег осталось мало. Выйдя из управления, он под видом мужа и отца позвонил домой и сказал, что скоро приедет под этим же видом. Уже у самого дома майор полиции Иванов увидел агрессивно настроенную группу молодёжи и под видом добродушного старичка-пенсионера прошмыгнул в охраняемый подъезд, откуда хотел вызвать полицию, но пожалел своих сотрудников. У лифта к нему подошёл снимающий в этом же доме квартиру и находящийся в розыске за терроризм добропорядочный южный бизнесмен. Бизнесмен протянул майору полиции Иванову пухлый конверт, который тот случайно под видом слепо-глухо-немого человека взял, сунул в карман и стал шарить по стенке лифта в поисках нужной кнопки. Уже через пять минут майор полиции Иванов на своей кухне под видом главы семейства ел стерляжью уху и пил виски.

Кстати - родился майор полиции Иванов под видом грудничка.

Именно благодаря таким людям, как майор полиции Иванов, жители России спят спокойно под видом покойников на всех кладбищах нашей необъятной Родины.

Илья Криштул. Россия.

**Уходи,
пока тебе ещё рады...**

*Спасибо, доктор, что вы вылечили меня от мании величия.
Теперь я человек совершенно непревзойденной, фантастической,
можно сказать, феноменальной скромности.*

Песье время

Медленно поворачивается земля, но, сколько ни медли и сколько ни откладывай, все равно от судьбы не уйдешь, и каждый год в определенное время приходится несчастной планете влезать в созвездие Большого Пса.

По моему, вполне достаточно было бы и Малого Пса, но, повторяю, от судьбы не уйдешь. И вот тогда наступают для бедного человечества самые дурацкие дни из всего года, так называемые «каникулы», от слова «caniculi», или, в переводе, просто «песье время».

Влияние Большого Пса сказывается буквально на всем: на репертуаре, на ресторанном меню, на картинах, на железных дорогах, на домовых ремонтах, на извозчиках, на веснушках, на приказчиках, на здоровье и на шляпках.

Пес на все кладет свой отпечаток. Если вы увидите на даме вместо шляпки просторное помещение для живности и огородных продуктов, не судите ее слишком строго. Она не виновата. Этого петуха с семейством и четырнадцать реп, из которых два помидора, сдобренные морковной травой, - это ей Пес наляпал. Она невинна, верьте мне!

А каникулярный приказчик! Если вы попросите его дать вам черную катушку, самую простую черную катушку, он сделает мыслящее лицо, полезет куда то наверх, встанет а la колосс Родосский одной ногой на полку с товаром, другой на прилавок, причем наступит вам на палец (убирайте руки!) и, треснув вас сорвавшейся картонкой по голове, с достоинством предложит кусок синего бархата.

- Мне не нужно синего бархата, - кротко скажете вы, - Я просила черную катушку. Простую, № 60.

- Виноват-с..! Это действительно синий, - извинится приказчик и полезет куда-то вниз под прилавок - так глубоко, что несколько минут виден будет только самый нижний край его пиджака. Когда же, движимая естественным любопытством, вы нагнетесь, чтобы посмотреть, что он там подделывает, он вдруг выпрямится и ткнет вас ящиком прямо в щеку.

В ящике будут ленты и тесемка, которые он великодушно предложит вам на выбор и пообещает сделать скидку. Узнав, что вы все еще упорствуете в своем желании приобрести черную катушку, он очень огорчится и, нырнув под прилавком, исчезнет в соседней клетушке. Только вы его и видели! Сколько ни ждите, уж он не вернется.

Идите в другой магазин и спрашивайте розовую вуаль. Может быть, Пес так напутает, что вы по ошибке получите и катушку... Другого пути нет.

На железных дорогах песья власть выражается в каких-то дачных и добавочных поездах, у которых нет ни привычки, ни силы воли, и болтаются они как попало - без определенных часов, скорости и направления. Сядешь на такой поезд и думаешь: «Куда-то ты меня, батюшка, тащишь?» И спросить страшно. Да и к чему? Только поставишь кондуктора в неловкое положение.

Но что всего удивительнее в этих поездах - это их капризный задор. Вдруг остановятся на какомнибудь полустанке, и ни тпру, ни ну! Стоит часа два. Пассажиры нервничают. Фантазия работает.

- Чего стоит? Верно, бабу переехали...

- Телку, а не бабу. Тут вчера одну бабу переехали, - не каждый же день по бабе. Верно, сегодня телку.

- Да, станут они из за телки стоять!

- Конечно, станут. Нужно же колеса из нее вытащить.

- Просто кондуктор чай пить пошел, вот и стоим, - вставляет какой то скептик.

- Да, чай пить! Грабить нас хотят, вот что. Теперь, верно, передний вагон чистят, а там и до нас дойдет. Ясное дело - грабят...

Но поезд так же неожиданно трогается, как и остановился, и всем некоторое время досадно, что не случилось никакой гадости. А отчего стояли? Не может же кондуктор, человек малограмотный и ничего общего с Пулковской обсерваторией не имеющий, объяснить вам, что все это штуки Большого и скверного Пса.

От влияния этого самого Пса на людей находит непосредство. Едут, сами не зная куда и зачем. Не потому, что ищут прохладного места, так как многие, например, любят летом побывать в Берлине, где, как известно, такая жарница, что даже лошадь без шляпки ни за какие деньги на улицу носа не покажет, и у каждой порядочной коровы есть зонтик.

Каждый бежит с насиженного места, оставляя стеречь квартиру какую-нибудь «кухаркиной тетки сдвуродну бабку». Днем эти бабки проветривают комнаты и свешивают в окошко свои щербатые носы. И гулко по опустевшему двору, отскакивая от высоких стен, разносятся их оживленные, захватывающие разговоры.

- Марфа-а! - каркает нос из форточки четвертого этажа. - Марфа-а!
- А-а-а! - гудит и отскакивает от всех стен.
- Что-о? - пищит нос, задранный из форточки второго этажа.
- О-о-о! - отвечает двор.
- У Потаповны кадушка разохши!
- И-и-и!
- Намокши? - пищит нос из второго.
- Разохши! Кадушка у Потаповны разохши!
- И-и-и!
- Подушка-а?
- Кадушка! Кадушка-а!
- У-у-у-а-а!
- У Протасовых?

«У Потаповны! Кадушка у Пота...» Закрывают окно, дохните, как мухи, в духоте, только не слушайте, как бабки беседуют. Они под особым покровительством Большого Пса. По ночам, между прочим, этих бабок убивают и грабят квартиры. Громили вполне уверены, что этих сторожих оставляют специально для их удобства. А то и двери открыть было бы некому. Самому ломать входные крюки, замки и засовы очень хлопотно, громоздко и, главное, трудно не шуметь. А такая Божья старушка - золото, а не человек. И откроет, и выпустит.

А Большой Пес только радуется. Ему что! Но из всех песьих бичей хуже всего, конечно, солнце. Не спорю, оно несколько лет тому назад было в большой моде. Имя его писали с прописной буквы, поэты посвящали ему стихи, в которых воспевали различные его приятные качества и хорошие поступки. Я, признаюсь, этому течению никогда не сочувствовала.

- «Будем как солнце!»

- Покорно благодарю! Это значит - вставай в пять часов утра! Слуга покорный!

Солнце, если говорить о нем спокойно и без пафоса, - несноснейшая тварь из всей вселенной. Конечно, хорошо, что оно выращивает огурцы и прочее. Но, право, было бы лучше, если бы человечество нашло способ обходиться своими средствами, отопляя, освещая свою землю и выращивая на ней что нужно без посторонней помощи.

Солнце несносно! Представьте себе круглое краснорожее существо, встающее ежедневно ни свет ни заря и весь день измывающееся над вами. Разведет кругом такое парево, что дохнуть нельзя. На щеки наляпает вам коричневых пятен, с носу сдерет кожу. Кругом, куда ни глянешь, расплодит муху и комара. Чего уж, кажется, хуже! А люди не нарадуются:

- Ах, восход, заход!

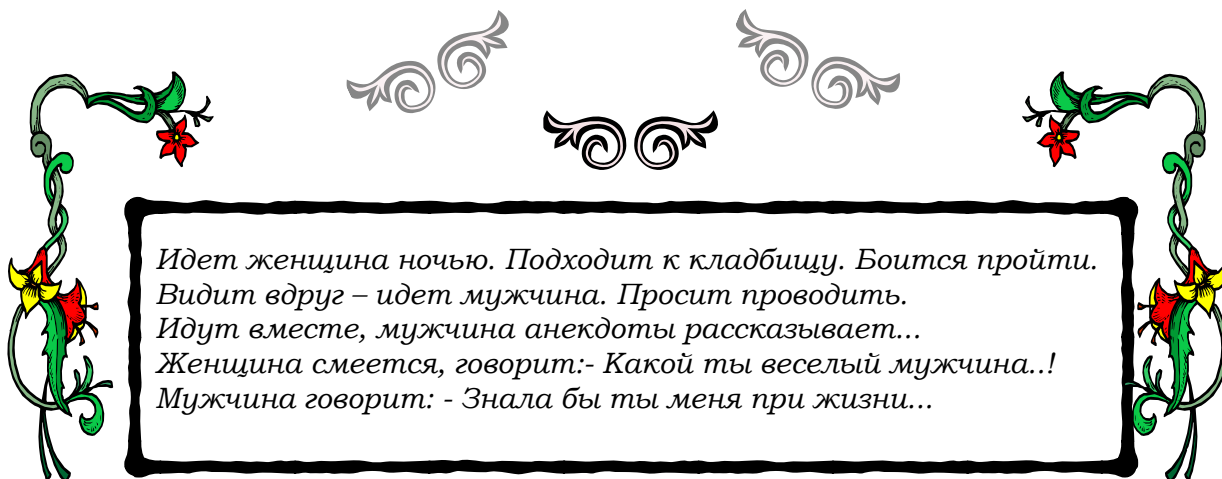
- Ах, закат, воскат!

Удивительная, подумаешь, штука, что солнце село! Иной человек за день раз двести и встанет, и сядет, и никто на это не умиляется. Подхалимничают люди из выгоды и расчета. Подлизываются к солнцу, что оно огурцы растит. Стыдно! Живешь и ничего не замечаешь. А вот как наступит песье время, да припечет тебя, да поджарит, да подпалит с боков, - тут и подумаешь обо всем посерьезнее.

О, поверьте, не из за веснушки какойнибудь хлопочу я и встаю против солнца! Нет, мы выше этого, да и существуют вуали. Просто не хочется из за материальной выгоды (огурца) лебезить перед банальной красной физиономией, которая маячит над нами там, наверху!

Опомнитесь, господа! Оглянитесь на себя! Ведь стыдно! А?

Надежда Тэффи.

БАБА НАСТЯ

(рассказ)

Утром баба Настя, поддавшись в конце концов на уговоры внуков, взяла небольшое плетеное лукошко и отправилась в лес по малину.

Встала рано-раненько. Раньше, чем вставала обычно. Не стала никого будить - и так все знают, вчера вечером все уши прожужжали - «Сходи за малиной, ба, сходи!»

В прошлом году чуть пора пришла, она и по грибы и по ягоды в лес в охотку, а в нынешнем будто пошептал кто - чувствует, слаба стала, за три километра невмоготу идти. Но внукам уступила, согласилась. Да и варенье не помешало бы из малины закрыть: зимой и при простудах нет ничего лучше малинового варенья - и жар сгонит, и душу ублажит. Поднялась, вторые петухи еще не перекликались. Под кофту поддела жилетку - по утрам прохладно стало. Осень ранняя, к концу августа уже деревья золотит.

Рассвет еще не брезжил, но на востоке посерело. На озере видно, как клубится туман. На трассе - ни души. Бояться нечего, что пролетит неслышанным городской лихач. Дорога на Суйсарь единственная, а молодежь ныне беспечная, вырвется на асфальт и давай жарить на всю. Поэтому баба Настя, хоть и отчаянная была в молодости бабенка, теперь по трассе ходит с опаской, все больше по обочине - лихачи ее пугают. Но сейчас спокойно и тихо. При такой тишине малейший звук слышно за версту даже таким подглуховатым, как она. Дышится легко и приятно. Эх, с сожалением думает баба Настя, кончились для нее те славные деньки, когда она без одышки могла пройти и пять и десять километров.

Еще немного и вскоре на горизонте показалась широкая сплошная черная лента леса. Трасса вьется перед ней беспокойно, затем остро врезается в самое чрево и исчезает. Там, баба Настя знает, ее плотно обступят седые осины и вековечные сосны, нависнут над нею разлапистые ели и длинноветкие дубы, там она свернет незримой, только ей одной известной тропой среди густых кустарников и дойдет аж до малинника, затаенно млеющего в глубине чащи на радость ежу и белке, сороке да воробью.

Сама баба Настя наткнулась на него случайно. В прошлом году. Собирала грибы. Место неприметное, но малины тогда было там хоть пруд пруди. Набрала полное лукошко, и хотя еще не раз навевывалась в обильное урочище, никому о его местонахождении не рассказывала. Не из зависти, а просто: «Как вам объяснить? Ну, сходишь с дороги и через лесочек идешь, идешь, пока не уткнешься...» - «А!» - отмахивались от нее тогда, понимая, что по таким ориентирам вряд ли и до первого дуба доберешься, не то, что до малинника.

Самые упорные, однако, не отставали от нее, напрашивались настойчиво: своди да своди, предвкушая богатую добычу. Но баба Настя отнекивалась: «Да как я тебя свожу? Вот буду идти, ступай со мной». Но так и не шла по уговору - всегда что-то мешало. А вот когда свободна, ходить собирать кого, скликать, большого желанья не было, шла сама и снова возвращалась с полными лукошками.

Дорогу находила всякий раз не задумываясь, по наитию. Поэтому и объяснить толком не могла - как объяснишь то, что сама едва уясняешь? Вот и сейчас шла себе, шла, и как толкнуло что - повернуть надо здесь! Повернула. И правда, продвинулась шагов на десять - знакомая сосенка, у нее одной такой низковатый кореженный сук, какого ни у кого нет, - как его опишешь? Она даже не догадывается, на что он может походить: горб не горб, нос не нос, - что за ерунда..?

А вот и малинник, Еще пышнее, чем в прошлом году, Ему тут раздолье: поляна обширная, света вдосталь, ветра совсем нет, от ягод так и рябит в глазах. Баба Настя на радостях тут же набросилась на них. Высокие кусты - почти с бабы Насти рост - чуть ли не полностью скрыли ее. Рвать легко: поднимешь лапу листа - четыре, пять, а то и пригоршня ягод. Какие алые, какие красные, но немало и крупных, налитых, почти фиолетовых - в руках давятся, во рту тают.

Баба Настя - любительница сладкого - смакует с удовольствием, но и о любимых внучатах не забывает, понемногу лукошко наполняет. Тут - шорох. Баба Настя застыла - ни жива, ни мертва. И как молнией поразило ее: да она ведь одна одинешенька тут, может быть, на весь лес. Хорошо, коли добрая душа, а если нечисть какая?

Замерла, не шелохнется. Тут опять зашевелилось и, надо полагать, неподалеку, так как слышно явно, отчетливо. И шорох не простой, а еще как будто причмокивание. Баба Настя дыхнуть не смеет, не то, что голос подать. Кажется, тяжелый стук ее сердца по всей поляне раздается.

Закружилось тут в голове, завертелось, будто в вихре: «Уходить надо. Уйти немедленно!» И попятилась, стараясь ступать тихо, мягко, чтобы не дай Бог не выдать себя, не выказать. Ступит два шага, закаменеет, прислушается: только сердце свое лихорадочное слышит. Уж и посмеяться над собой готова: неуж почудилось бабе старой, но страх не гнала - нельзя расслаб-

ляться. «Дура, дура, - кольнет себя с досадой, - нет бы еще кого с собой прихватить, не так страшно было бы, лес же...» - и дальше двинется.

Но вот и конец поляны, кусты малины почти вышли, до леса рукой подать. Но что это? Теперь такой же шорох впереди! Растерялась баба Настя совсем - куда идти? Струхнула, потянулась влево. Сначала медленно, потом быстрее, с трудом приглушая собственные шаги, и вдруг едва не налетела на... медведя. «Боже мой! - упало все у бабы Насти. - Господь всемогущий!» Побледнела как смерть. Чувствует - кровь в жилах стынет, леденеет.

Медведь тоже на нее уставился, не поймет: что за зверь такой диковинный в его малинник забрался - не боится ничего? Склонил набок лохматую голову, заурчал утробно. Но тихо, незлобно. Баба Настя в свою очередь рот боится открыть. Медведь снова заурчал. Миролюбиво будто.

Баба Настя осмелела, хотя глядела на него еще с опаской. Вспомнилось, как в прошлом году в этом лесу пропала одна бабенка. Нашли весной. Полузагрызанную. Поняли - медведя работа: отгрыз немного, остальное припрятал, схоронил. Наткнулись случайно. Мелькнула под валежником синяя сумка, чуть в стороне обнаружилась вязаная шапочка, неподалеку - ботики, рука...

- Но ты же не такой, - собралась баба Настя с духом, - не такой, вижу...

Что ей говорить?

- Был бы другим, сразу накинулся, так ведь? А так вот сидишь, не двигаешься, не бросаешься.

Говорит, а сама думает: «Боже, дай силы, дай силы...»

- Я сразу поняла, как увидела тебя, - продолжала, так как чувствовала - нельзя молчать, да и при голосе вроде не так страшно. - Ты ведь не такой, как другие. А добрый, славный, хороший. Ты ведь не тронешь меня, правда?

Медведь повернул голову на другую сторону, снова слабо заурчал.

- Вот и ладно, а то я бы невзлюбила тебя. Я ведь знаешь какая? Если не полюблю кого, хоть ковром персидским у моих ног стелись!

Сказала и осеклась. Не перегнула ли? Он-то хоть и зверь, а людские эмоции, чай, тоже понимает. Не понравится ему что-нибудь, что делать? Бежать? А вдруг вдогонку кинется? Потихоньку отступать - не разозлит ли? Но сдвинулась с места, стала отходить. И только ступила пару шагов, как медведь поднялся грузно и вперевалку направился к ней. Баба Настя остановилась, зашептала быстро: «Боже, Боже, помоги, Господи!» Но медведь не накинулся на нее, приблизился неторопливо, вытянул нос к ее ботинкам, понюхал их.

Баба Настя от страха глаза закрыла и продолжает лепетать: «Боже милостивый, Боже милостивый...» Медведь обошел ее, внимательно осматривая и смачно обнюхивая со всех сторон. Не зная, как себя успокоить, баба Настя запела. Поначалу тихо, потом громче, громче, чтобы и медведь услышал:

Баю бай-бай, медведь детка, - баю бай-бай.
Косолапый да мохнатый бай-бай.

В молодости задорная и бойкая девка, любительница всяческих деревенских посиделок, она и теперь не уступала никому ни по голосу, ни по мелодичности. От различных приглашений на свадьбы или проводы у нее отбоя не было. Она всегда начинала, после нее подхватывали. Знала, казалось, несчетное количество известных песен, как народных, так и современных, шлягерных. К сожалению, в небольшом Лехнаволоке, да и во всем Заозерье свадьбы стали столь редки, что баба Настя просто изнывала от скуки. Нет, она не была лежебокой, не грелась на завалинке в лучах ласкового солнца. Целый Божий день крутилась по хозяйству и нянчила внуков, однако по-настоящему отходила душой только в песне или пляске. Вот этого-то ей и не хватало. И если в молодости не пропускала ни одной посиделки, ни одной песенки, ни одного вечера танцев в клубе, то теперь лишь с болью в сердце вспоминала те сладкие вечерки, те незабываемые денечки, когда, как говорится, «и душа вразнос». Она вся, казалось, была пронизана музыкой. Кормила телку - пела, копалась на грядках - пела, шла в магазин - мурлыкала про себя что-то, не замечая никого и ничего вокруг.

Прорывало ее часто под хмельком. Тут уж к ней не подходи - не остановишь. Зальется во весь свой чистый голос и через деревню пройдет аки пава, с песней, не постесняется. А чего ей, женщине, отжившей свое и не насытившейся жизнью, стесняться? Никому зла не делала, никого не обидела, а уж что песни любит громко петь, так не обессудьте: тихие песни поют на кладбищах. Она же поет для живых, для тех, кто еще не умер, да и для себя, в конце концов. И остановить ее невозможно, потому что музыка для нее не просто развлечение, а, можно сказать, внутреннее состояние души.

Но сегодня другой случай. Сегодня она поет, чтобы выжить.

Батя мед ушел искати, - баю бай-бай,
Мама ягоды собирать, бай-бай.

Медведь заслушался будто, поднял голову, посмотрел на ее рот. Баба Настя открыла сначала один глаз, потом второй: не накинулся ли еще на нее косолапый? Вроде нет. Видно, помогает песня-то. Затянула посмелее:

Батя тащит соты-меды, бай-бай,
Мама ягодок лукошко, бай-бай.
Кто Оленюшке, кто медведюшке, - баю бай-бай
В лесу колыбель повесил, бай-бай.
Вышли воины удалые, баю бай-бай,
Небаюканы, нелююканы, бай-бай...

Как закружилась потом, будто в танце, притоптывая, не помнит баба Настя. Как выбралась из чащи, как дорогу на трассу нашла... Не верила, что осталась жива, что медведь не разодрал ее, не помял. Помнит, как вновь и вновь начинала медвежью колыбельную, как пела нежно, с придыханием, чтобы умиловать его. Как с ребенком с ним баюкала и все оглядывалась, уходя, оглядывалась: не тянется ли за нею, не гонится ли...

Не верилось, что потерял зверь интерес к ней, развернулся и не спеша побрел обратно в малинник, затерялся в густых зарослях. Жара ли была тому причиной или насыщенная утроба его, - неизвестно. Только когда опомнилась баба Настя, почувствовала, как отяжелели колени, осела и просидела, наверное, несчетное количество времени. И казалось - родилась заново.

А дома, едва переступила порог, сказала дочке:

- Налей, родная, водки. За рождение второе мое.

Татьяна изумилась:

- Что вы, мама?

- Даже не спрашивай, не спрашивай, дочка, - залпом влила в себя первые полста.

И смеялась и плакала, смеялась и плакала во хмелю, рассказывая про свое забавное приключение.

А потом к соседке, подруге своей давней бабе Кате пошла - и у нее добавила. И уже всё казалось каким-то смешным и нелепым: как она на медведя наткнулась, как испугалась его и как песни ему пела то веселые, то колыбельные, будто пыталась околдовать.

А потом по улице шла и пела на всю округу: -

Помню я еще молодухой была,
Наша армия в поход куда-то шла... -

...веселя скучающую на автобусной остановке молодежь.

Игорь БЕЗРУК

г. Иваново.

КОНЬЯК

У друга есть заветный коньячок,
Как и хозяин – тоже старичок.
Но силы он пока не потерял,
Как и хозяин – духом не упал.

Ещё под стол уложит он глупца,
Заставит биться веселей сердца.
С годами он и крепче, и нежней,
Как и хозяин в старости своей.

Аделаида. **Михаил Волин.**

*Современная медицина не лечит,
а продлевает возможность вести
неправильный образ жизни.*

РЕКЕНШТЕЙНЫ

продолжение

V

Beatl possidente

Несколько минут царило гнетущее молчание, нарушаемое лишь тяжелым и прерывистым дыханием обоих молодых людей.

- Евгений, какая трагическая судьба делает меня разрушителем твоего счастья! - воскликнул наконец Танкред. - Боже мой, я вижу, как ты страдаешь; я чувствую себя вором относительно тебя, а между тем могу ли я поступить иначе! Евгений, ужели я должен лишиться тебя, как друга? - спросил он, бросаясь в кресло в нервном волнении.

Фолькмар быстро поднял голову.

- Нет, нет, Танкред, могу ли я перестать быть твоим другом потому, что судьба против меня? Да, узнать, что она твоя жена, было страшным ударом для меня. Но разве ты в этом виноват? Вчера еще ты сам этого не знал. И потом, - грустная усмешка мелькнула на его бледном лице, - ты предупреждал меня, что есть нечто подозрительное и таинственное в красавице Лорелее; предсказывал, что появится муж, чтобы отнять ее у меня в момент, когда я менее всего буду этого ожидать. Что этим мужем окажешься ты - этого ни один, ни другой из нас не подозревали. А что не отказываются от такой женщины даже для своего лучшего друга, я это понимаю и извиняю.

- Ах, как мне тяжело основывать мое счастье на твоём несчастье! - воскликнул граф. Губы его нервно дрожали и, терзаемый множеством разнородных ощущений, он прижал лицо к спинке кресла.

Фолькмар устремил на него долгий, задумчивый взгляд. Он не мог сомневаться, что этот печальный и странный конфликт причинил сильное страдание Танкреду. И вдруг вспомнил, что Лилия обещала ему только дружбу; не ясно ли теперь, что красивый привлекательный молодой человек, принадлежащий ей по закону овладел сердцем молодой девушки; ее ненависть к нему, ее язвительные намеки были не что иное, как ревность, заставлявшая ее страдать, не разрывая связи, соединяющей их.

Проведя рукой по влажному лбу, доктор выпрямился.

- Оставь это, Танкред, и не отравляй своего счастья, приобретенного такой дорогой ценой, - сказал он спокойно, - впрочем, ты еще не пользуешься им; тебе предстоит победить досаду, негодование и упрямство твоей жены. Я сам виноват: я был неосторожен и должен за это поплатиться. Моя дружба к тебе поможет мне преодолеть мою ревность. Впрочем, - продолжал он шутливым тоном, с каким обыкновенно относился к своему другу детства, - я всегда имел привычку, как старший, уступать тебе во всем, балованное неотразимо милое дитя! И делаю это еще раз!

Танкред с неудержимой пылкостью, характеризующей его, кинулся на шею Фолькмара и стал душить его в своих объятиях.

- Евгений, ты мне прощаешь невольное зло, которое я тебе причинил, и остаешься моим другом?!

- До самой смерти, - отвечал доктор со странной улыбкой, незамеченной графом. - А теперь, - продолжал Фолькмар, - пойдем в зал. Лишь она и ты видели мою слабость; для других это не должно быть известно. Я останусь обедать, как это было условлено, и выпью бокал шампанского за ваше счастье.

- Благодарю тебя, - сказал Танкред с сияющим взглядом. - Кто имеет такого друга, как ты, тот не имеет права жаловаться на испытания, которые посылает ему Провидение.

Меж тем как друзья вели этот многозначительный разговор, приехал Арно; и Сильвия, не переставшая его сторожить, встретила его еще в передней.

- Ну что, как все произошло? - спросил он, улыбаясь и целуя ее руку.

- Ах, лучше, чем мы могли себе представить. Жена Танкреда прелестна. Пойдем же скорее к ней, Арно, - отвечала Сильвия радостно, уводя его за собой.

При виде своего beau-frère, Лилия встала красная и в смущении опустила глаза. Но удивление графа не длилось более минуты.

- Вот приятная неожиданность! - воскликнул он радостно. - Теперь я понимаю, где я уже видел эти чудные бархатные глаза, которые так интриговали меня.

Он взял обе ее руки и с дружеской сердечностью поцеловал их.

- Очень рад вашему прибытию в нашу семью; любите меня немного и будьте снисходительны к Танкреду; он скоро сделается вашим рабом, и вы окончите воспитание этого ветренника, так успешно начатое вашим отцом.

- О, конечно, вас, месье д'Арнобург, легко полюбить, - отвечала Лилия, смотря на него теплым, благодарным взглядом.

- Как! Вы так церемонно называете вашего ближайшего родственника, Лилия? Протестую и требую, чтобы вы звали меня по имени, а через несколько дней, когда мы ближе познакомимся, буду просить говорить мне «ты» и не отказать, если Танкред позволит, в братском поцелуе, - сказал Арно с доброй улыбкой, которая привлекала к нему сердца.

- Ах, он ничего не может мне запрещать, - заметила Лилия с презрением.

- Ну нет! - Ваш хорошенький ротик, например, его исключительная собственность. Но где же наш новобрачный?

- В красной гостиной с Фолькмаром, - отвечала Сильвия и, не дожидаясь разрешения своей невестки, сообщила, какого рода объяснение происходило между друзьями.

- Ну, это было так же неосторожно, как и жестоко, милая Лилия, - сказал граф, покачивая головой. - Будем надеяться, что доктор мужественно вынесет это тяжкое испытание. А теперь пойдем в большой зал; они, вероятно, скоро присоединятся к нам.

Когда они вошли в зал, Танкред и доктор были уже там, и тотчас завязался общий разговор. Если бы не чрезмерная бледность, то ничто не выдавало бы волнений Фолькмара. Он спокойно разговаривал о посторонних вещах, старался даже быть веселым, но тем не менее смутная грусть и тревога, казалось, тяготели над всеми присутствующими. Такое же стеснение царило за обедом. Когда пили шампанское, Фолькмар поднял бокал и в самых теплых выражениях пожелал молодым счастья и долголетия. В ту минуту, как Танкред чокался бокалом с женой, глаза их встретились; молодой человек позабыл и свою сдержанность и присутствие друга; он видел и чувствовал притягательную силу бархатных глаз и, наклонясь, поцеловал жену в губы, Лилия вздрогнула и бросила тревожный взгляд на Фолькмара, который, вдруг побледнев еще сильнее, дрожащей рукой поставил бокал на стол. Выпив кофе и выкурив сигару, доктор встал и простился; целуя руку Лилии, он устремил на нее долгий взгляд, проникнутый каким-то особым выражением.

- До свидания, до скорого свидания! Или вы будете избегать меня? - спросила молодая женщина с волнением.

Тревожное предчувствие сжало ей сердце. Он глядел на нее, будто прощаясь с нею навсегда. Что если она никогда больше не увидит этих ясных симпатичных глаз! Это было бы ужасно.

- Нет, напротив, графиня, я надеюсь часто видеть вас, - отвечал Фолькмар, целуя еще раз ее руку. Затем он ушел в сопровождении Танкреда.

- Боже мой! Лишь бы доктор не сделал какого-нибудь безумства: у меня такое неприятное чувство, будто я никогда его не увижу, - сказала с беспокойством Сильвия.

- Как можно об этом думать! Доктор слишком серьезный человек, чтобы позволить себе такую слабость, - отвечал Арно, взглянув с сожалением на бледное, тревожное лицо своей невестки.

Вечер тянулся довольно скучно. Все были озабочены и беспокойны. Перед чаем два товарища Танкреда пришли к нему по делу, и он велел подать себе чай в кабинет. Тотчас после чая Лилия простилась с Сильвией и с Арно, сказала, что утомилась, и ушла к себе.

Нани раздела ее, зачесала ей волосы к ночи и, надев на нее легкий белый пеньюар, ушла. Молодая женщина заперла на ключ дверь приемной комнаты и дверь гардеробной и, вздохнув свободно, вернулась к себе в спальню. Проходя мимо зеркала, она остановилась на минуту, всматриваясь в свою пленительную наружность. «Да, я красива, и вот объяснение его упорства; но он ошибается, думая, что приобрел себе новую одалиску», - прошептала она, опускаясь на кушетку. Закрыв глаза, молодая женщина погрузилась в размышления, стараясь привести в порядок хаос своих чувств. Вдруг она вздрогнула. Ей послышалось, что кто-то постучался в дверь; она встала и тихонько прокралась в приемную. Толстый ковер заглушал ее шаги. Но она не ошиблась: нервная, нетерпеливая рука пробовала открыть запертую дверь, и легкое бряцание шпор не оставляло сомнений в том, кто был этот посетитель.

Молодая женщина стояла неподвижно; сердце ее сильно билось, между тем как ее лицо то бледнело, то краснело.

«Полночь, - прошептала она, взглянув на часы, - слишком поздно, чтобы еще наслаждаться его обществом. Может оставаться за дверью. Ах, слава Богу, он уходит». Она вздохнула облегченной грудью; но вдруг ей пришла мысль, что, быть может, она нехорошо закрыла дверь гардеробной или дверь коридорчика, который, как ей сказала Нани, ведет в комнаты графа. Как стрела, она метнулась в спальню и попробовала ту и другую дверь; обе были заперты на ключ. -

Но вдруг она вздрогнула и замерла на месте, не успев отнять руки от ручки дверей, так как услышала возле себя насмешливый голос Танкреда:

- Замки новые и крепкие, милая Лилия; не бойся воров. Но я удивлен, что застаю тебя еще на ногах. Я стучался в дверь гостиной и, не получив ответа, думал, что ты легла и спишь. К счастью, в моем распоряжении потайная дверь, которой я и буду всегда пользоваться, чтобы войти не беспокоя тебя.

Едва Лилия пришла немного в себя от изумления, как, возбуждаемая несмешливым тоном мужа, вспыхнула как порох. Она совсем забыла, что Танкред имел неоспоримое право входить к ней; не подумала, что, быть может, он желал объясниться без свидетелей, испросить у нее прощения, примириться с ней.

- Вот что переходит всякие границы, граф, - воскликнула она. - Как вы позволяете себе входить ко мне, когда я не желаю вас видеть. Я имею, надеюсь, право такого дня, как сегодня, пользоваться уединением и покоем.

Она не знала, насколько ее лихорадочное волнение и ее неглиже, в каком Танкред никогда не видел ее, делали ее прелестной.

Пламень страсти вспыхнул в глазах Танкреда. Он наклонился так близко, что губы его слегка коснулись ее щеки, и протянул руку, чтобы привлечь ее к себе. Но молодая женщина с отрицательным жестом отодвинулась к туалетному столу. Яркая краска негодования и страха выступила на ее лице; воспоминания всех скандальных приключений Танкреда, о которых так образно рассказывала баронесса, рисовались перед ней, и задышающимся голосом она проговорила:

- Слишком поздно!

- Это правда, слишком поздно я заметил, что жена моя так красива; но жизнь длинна, ошибка поправима, - сказала Танкред полушутя, полусерьезно. - И позволь мне тебе сказать, Лилия, что титул графа дурно звучит в твоих устах; для тебя этот титул канул в бездну, как и многое другое. Мадемуазель Берг могла этим жестом и пылающим взглядом воздвигать преграду между ней и графом Рекенштейном, но моя жена не может этого делать. Я не узнаю тебя, Лилия, с сегодняшнего утра. Ты, такая спокойная и строгая, как воплощенный долг, ужели ты в самом деле думаешь, что не имеешь никаких обязательств относительно меня, раз я сознаю свою вину и возвращаю принадлежащее тебе место, назначенное тебе твоим отцом. Соединяя нас браком, покойный барон мог ли иметь в виду ту роль, какую ты, повидимому, желаешь разыграть? Ты очень странно относишься ко мне и, будь это возможно, вышвырнула бы меня из комнаты, где я имею неоспоримое право быть.

- Никакого не имеете! - отвечала Лилия, и в голосе ее звучало непоколебимое убеждение. - Вы даете себе право, когда вам это вздумается, и, конечно, ваша совесть, так внезапно пробудившаяся, продолжала бы дремать, как дремала в течение пяти лет, если бы я была все еще уродливой идиоткой, совой, некрасивой до отвращения, вид которой возмущал все струны вашей души. Я отлично понимаю вас, ветреный человек, лишенный всяких принципов, вечно гонящийся за новой любовницей, за существом, которое можно обесславить и затем бросить как ненужную вещь. В этот раз судьба покровительствует вам, подставляя вам под руку вашу собственную жену, довольно красивую, к несчастью, чтобы возбуждать ваши дурные инстинкты. Вы привыкли наслаждаться жизнью, не стесняя себя чувствами; но я другого мнения и признаю только те обязательства, которые заключены добровольно и запечатлены любовью, а не прихотью человека, вздумавшего развлечься тем, что раньше он так глубоко презирал.

- А! Я внушаю тебе ужас и отвращение, - вскрикнул он, - потому что я не ползаю в ногах, вымаливая вашего прощения и вашей любви. Я сам теперь не желаю вас. Ужели ты думаешь, что я не найду себе женщин, которые будут любить меня?!

В своем волнении, замечая того, он говорил то «ты», то «вы».

- Только, - продолжал он, - вы вашей беспримерной выходкой не заставите меня согласиться на развод. Я оставлю вас у себя и дам вам почувствовать все удовольствия роли, какую вы желаете играть; но она, быть может, не так интересна, как вы воображаете. Представив вас в общество, я повезу вас в Рекенштейн и, так как вы не хотите быть моей женой, то будете моей экономкой; а я тем временем буду изменять вам перед вашим носом с каждой хорошенькой женщиной, которая мне встретится; пока вы сами не придете вымаливать моего прощения, можете развлекать себя хозяйством.

Лилия побледнела. Она поняла, что, оскорбляя так безжалостно самолюбие этого избалованного и капризного человека, она сама возбудила в нем против себя его мстительность и его дурные страсти. Ей удалось, однако, скрыть, что она чувствует себя разбитой, и презрительная насмешка звучала в ее голосе, когда она ответила:

- Я никогда не сомневалась, что вы будете мне изменять с большим искусством и с полнейшей бесцеремонностью. Вы забываете, что я только сегодня оставила дом баронессы и,

конечно, богата назидательными сведениями. Что касается вашей грубой выходки, совсем казарменного тона, которым вы отвечаете на мои слова, то он доказывает справедливость моего мнения: ваше тщеславие не выносит правды.

Танкред готовился к новому возражению: как вдруг сильно постучали в дверь гардеробной, и Нани крикнула взволнованным голосом:

- Графиня, скажите пожалуйста графу, что за ним пришел лакей доктора; случилось несчастье - месье Фолькмар застрелился.

Граф глухо вскрикнул и кинулся к двери. Лилия, уже расстроенная предшествовавшими волнениями, упала на ковер, словно пораженная молнией.

Шум при ее падении заставил Танкреда оглянуться; забыв свою досаду, он кинулся к ней и поднял ее. «Как она хороша! - прошептал он. - Но подожди, безбожная, я припомню тебе этот час и заставлю расплатиться за все твои оскорбления». Он положил ее на диван, открыл дверь и выбежал прочь.

В кабинете его ждал Мартын, старый камердинер фолькмара. Бледный и дрожащий, он рассказал, что его барин возвратился после обеда, заперся у себя в кабинете, приказав не беспокоить себя; но Мартын слышал, что молодой человек долго ходил взад и вперед по комнате. Вместо чая, как всегда, он велел подать себе вина; и когда Мартын принес вино, то заметил, что все ящики стола были открыты и Фолькмар только что сжег и изорвал множество бумаг. Затем он велел камердинеру пойти спать, но смутное беспокойство на давало старику сомкнуть глаз. Около половины двенадцатого один из пациентов доктора пришел звать его к своей больной жене. Мартын вместе с этим пациентом стучали в запертую дверь кабинета, но ответа не последовало, а минуту спустя раздался выстрел пистолета. Испуганные, они подняли страшный шум и с помощью дворника взломали дверь. Они нашли Фолькмара, опрокинутого в кресле с пистолетом в сжатой руке, но без признаков жизни. Дворник побежал объявить полиции, а он поспешил пойти за графом, как лучшим другом своего барина.

Бледный, как смерть, Танкред вышел из дому. Лестница и квартира Фолькмара были уже полны любопытных; два доктора входили в переднюю одновременно с графом. У старой ключницы сделался нервный припадок, и несколько соседок оказывали ей помощь. Но Танкред пошел впереди всех и поспешно направился к бюро, где тело Фолькмара находилось еще все в том же положении, только пистолет лежал теперь на ковре.

Почти такой же бледный, как и его друг, Танкред наклонился к нему и помутившимся взглядом всматривался в красивое неподвижное лицо, сохранившее в складках губ выражение горечи и страдания. «Евгений, Евгений! Как мог ты это сделать?!» - шептал он, взяв его руку, не успевшую остыть. В эту минуту пришел комиссар, и доктора освидетельствовали рану, из которой еще сочилась кровь. Они могли лишь констатировать смерть.

- Пуля попала прямо в сердце, - заявил один из них, - он был слишком хороший доктор, чтобы не суметь направить пистолет, и рука его не дрожала!

Тело положили на постель, и граф, объявив свое имя и свои отношения к покойному, взял на себя все необходимые распоряжения до приезда родственника Фолькмара, на имя которого Евгений оставил письмо.

Когда наконец все ушли, Танкред предался отчаянию с тем страстным пылом, какой он проявлял во всем. Он лишился своего лучшего друга; и виновницей этого была женщина, только что нанеся ему оскорбление и оттолкнувшая его с презрением. Едкое чувство, близкое к ненависти, заговорило в его сердце против Лилии, вызвавшей своим молчанием эту трагическую катастрофу.

Было около трех часов утра, когда он вернулся домой. В гостиной, смежной с его кабинетом, он нашел Сильвию, Арно и Лилию. Они были подавлены несчастным событием и не ложились спать. Арно очень желал присоединиться к брату, но боялся оставить дам в их тревожном состоянии, особенно невестку, с трудом приведенную в чувство от глубокого, продолжительного обморока.

Увидев смертельную бледность и изменившиеся черты брата, Арно поспешно встал и пожал ему руку, сказав несколько слов сердечного участия. Ничего не отвечая, Танкред повернулся к жене и проговорил голосом, преисполненным горечи:

- Радуйтесь, графиня Рекенштейн, так искусно придуманный вами сюрприз удался сверх вашего ожидания. Ваше молчание, мотивированное опасением, что друг мой предупредит меня, избавит меня хотя бы от малой доли страдания, хотя бы насколько-нибудь уменьшит мое смешное положение, привело к самоубийству честного человека, любившего вас.

- Танкред, какое несправедливое обвинение! Могла ли я это предвидеть? И разве я этого хотела?

- Так чего же вы хотели? - жестко спросил Танкред. - Не молчат, когда искренне желают отделаться от кого-нибудь, и не поддерживают невинными улыбками страсть и надежды чело-

века, будучи еще связанной с другим. Но вы мечтали лишь о том, чтобы отомстить, унижить мужа, который бился, как муха в паутине, вам на потеху. О, вы достойная дочь своего отца; и вы, как он, поклоняетесь лишь самой себе и вашей гордости. Он тоже, этот безупречный рыцарь, этот раб чести, возбуждает безумную страсть, затем, преклоняясь перед своей собственной честностью, отталкивает женщину, которая его любит, доводит ее до преступления и до самоубийства. Безжалостная и эгоистичная, как он, вы хотели заклать меня в жертвенник вашей оскорбленной и кровожадной гордости; но стрелы ваши не попали в цель, и бедный Евгений заплатил жизнью за песнь сирены, пропетую прелестной Лорелей.

Не ожидая ответа, он повернулся и вышел в сопровождении Арно, который чувствовал, что никогда молодой человек так не нуждался в слове любви и дружеской поддержке.

- Прости Танкреду, что он так несправедлив в своем горе, - молвила Сильвия, плача и обнимая невестку.

Разбитая душой и телом, Лилия вернулась к себе и легла; но сон бежал от ее глаз и множество мучительных мыслей терзали ее. Смерть Фолькмара преследовала ее, как упрек совести, и она строго разбирала и судила свое поведение относительно него. Конечно, она никогда не поощряла ухаживаний молодого доктора, держалась с ним любезно, насколько следовало с человеком, посещавшим дом баронессы; но дал ли бы он своей любви развиться, если бы она с самого начала честно призналась ему, что она замужем? Нет, он, быть может, забыл бы ее...

Похороны Фолькмара происходили с большой пышностью; гроб исчезал под массой венков, и немало искренних слез было пролито над телом доброго, симпатичного человека, погибшего преждевременно жертвой рока.

Накануне похорон Лилия и ее невестка в сопровождении Арно отправились в дом покойного. Графиня плакала, долго молилась у гроба и положила букет цветов на грудь усопшего. Но при погребении ни та, ни другая не присутствовали, чтобы не обращать на себя внимания любопытных.

Душевное состояние Лилии было печально и уныло; и лишь неукротимая гордость давала ей силу иметь всегда спокойный и холодный вид. Ее отношения к Танкреду ограничивались ледяной вежливостью; и сверх всех неприятностей, она должна была еще деятельно заняться туалетами, так как граф заявил, что в назначенный им день они начнут делать визиты, что затем дадут большой обед и что она должна позаботиться о приготовлении надлежащих туалетов как для названных случаев, так и для непредвиденных.

Наконец суетливое время выездов и приемов пришло к концу. Молодая графиня Рекенштейн была должным образом представлена обществу, приняла различные приглашения, появлялась с мужем в театре, и наконец созвала всех знакомых на большом обеде перед отъездом в деревню. Когда все гости разъехались, молодые супруги остались одни в маленькой красной гостиной.

- Слава Богу, что вся эта суета кончилась! - воскликнул Танкред с видимым нетерпением. - Я хочу как можно скорей уехать в Рекенштейн и попрошу вас, графиня, поторопиться со сборами, чтобы нам выбраться отсюда дня через три: самое позднее.

Он слегка поклонился и направился к дверям.

- Танкред! - окликнула вполголоса Лилия.

- Что вам угодно?

- Я хотела просить вас отпустить меня одну в Рекенштейн, - сказала графиня, подходя к нему. - Никто не будет удивлен, что вы не сопровождаете меня в замок; останьтесь в городе, где больше развлечений; они нужны вам.

- Я искренне тронут вашим внезапным и нежным участием, - прервал ее насмешливо граф, - но успокойтесь; я не приношу жертвы, а желаю отдохнуть в деревне от удовольствий последнего времени. Не бойтесь, впрочем, я ничем не буду вам мешать; замок велик; могу даже занимать отдельный флигель. Что касается развлечений, в них не будет недостатка; у нас не мало соседей: я буду много выезжать, и так как наши отношения не замедлят сделаться басней всей окрестности, - меня будут жалеть от всей души.

- Что вы хотите этим сказать? Полагаю, что каждый разумный человек будет гораздо более жалеть меня, - сказала Лилия, сморщив лоб.

Граф насмешливо улыбнулся.

- Вы ошибаетесь, моя премудрая супруга. Будучи вынужден объяснить как-нибудь ваше внезапное появление, я сказал, что женился на вас против воли вашего отца, который тотчас изпод венца увез вас неизвестно куда, сделав мне самую тяжелую сцену. К этому я прибавил, что, возвратясь сюда, я не говорил о моем браке, так как был глубоко оскорблен, но найдя вас, поспешил примириться. Теперь ясно, что каждый объяснит мое внезапное охлаждение сделанным мной печальным открытием, что я напрасно поспешил; что, когда женщина, молодая и красивая, отваживается жить одна в течение пяти лет, муж становится так же далеко от сердца, как и

от глаз. И вы сами бросили на себя тень, оказывая мне при посторонних так много доброты; моя холодная сдержанность достаточно доказала, что оскорблен, обманут - я.

Каждое слово этого объяснения была ложь. Но он хотел оскорбить Лилию, довести до бешенства и заставить ее раскатыться, что она так грубо оттолкнула его. Заметив, что достиг цели, так как графиня пошатнулась как ошеломленная, он продолжал, прислоняясь к столу и скрепив руки:

- Неужели вам, действительно, никогда не пришло на ум, что по наружному виду все будет против вас и что самая строгая добродетель может подвергнуться пересудам злых языков? Без серьезных причин муж не бывает холоден к красивой жене, с которой его разлучили в церкви и которую он снова принял с распростертыми объятиями; и если из честности и сожаления я бы не продолжал отказывать в разводе, на вас указывали бы пальцем и не сомневались бы в причинах, заставивших нас разойтись.

С воспаленным лицом и тяжело дыша, Лилия прислонилась к столу. Да, их несогласие не могло не возбудить подозрений; слуги не знали, где она провела все время; но чтобы подозрения были такого рода, это не приходило ей на ум.

- Гнусная ложь! - вскрикнула она прерывистым голосом.

- Докажите противное, - возразил граф, подергивая с усмешкой усы.

В эту минуту глаза их встретились. Жестокая радость, что ему удалось уколоть ее, так ясно выражалась в жгучем взгляде Танкреда и в беспечной, насмешливой улыбке, скользнувшей по его губам, что это мгновенно возвратило графине ее хладнокровие. Она выпрямилась, и взгляд брошенный ею на мужа, ответил ему насмешкой за насмешку; губы ее дрожали, и она сказала язвительным голосом:

- Так радуйтесь нанесенному вам оскорблению, которое заставит друзей и соседей жалеть вас. Но ваша ветреность известна всем. Вы не можете отрицать ваших шумных любовных пождений с брюнеткой Розитой, наездницей цирка, с танцовщицей Браун, с оперной певицей мадемуазель Адари, которую вы содержали эту зиму открыто для всех. Я уже не говорю о таких маленьких грешках, как хорошенькая белошвейка на Вильгельмштрассе, как цветочница и... целый реестр, достаточный, чтобы возмутить самую терпеливую жену и вызвать неприятности, способные испортить мужу его настроение духа.

Эти слова на минуту привели Танкреда в замешательство.

- Ах, не знал, что вы так за всем следите, - заметил он.

- Не я, а баронесса. Она рассказала мне о ваших успехах.

- Бедная Элеонора не знала, какую опасную соперницу она приютила у себя и как ее откровенность была неуместна. Это заставляет меня выслушивать первую супружескую проповедь. Благодарю. - И с насмешливым низким поклоном добавил: - А все же, графиня, ваши колкости не производят на меня большого впечатления и не изменяют того, что я высказал на ваш счет.

Лилия повернулась к нему спиной, и, ничего не говоря, вышла из комнаты. Минуту спустя в ту же дверь вошла Сильвия, раздраженная, с покрасневшим лицом.

- Чем ты опять так расстроил Лилию? Как тебе не стыдно сердить и оскорблять ее на каждом шагу?!

- Она тебе жаловалась? - спросил невинным тоном Танкред.

- Нет, но я застала ее в слезах, и она не хотела объяснить мне их причину; но я сама угадываю ее, находя тебя здесь.

- Так я открою тебе истинную причину ее слез. Бедной Лилии не удалось взбесить меня; ее язвительные слова скользнули по мне, как вода по стеклу. А что может быть ужаснее для женщины, как неуспешная попытка вывести из себя человека, если ей того хочется? Эта неудача и вызвала ее слезы.

- Фи, Танкред! Ты обижаешь жену, а потом лжешь на нее, вместо того чтобы пойти попросить у нее прощения.

Танкред повернулся на каблуке и стал насвистывать охотничий мотив.

- Мне, просить у нее прощения?! - резко возразил он некоторое время спустя. - Это зачем? Отчего не ей у меня? Расстояние между нами одинаковое. Но оставим этот разговор; наши ссоры с Лилией не твоё дело. Я имею предложить тебе более важный вопрос, милая сестра. Скажи, сделай милость, что заставило тебя отказаться от двух таких выгодных партий, как барон Дорн и граф де Гейерштейн? Оба красивы, богаты, оба сделают блистательную карьеру, один на военном поприще, другой на дипломатическом. Потом, они самые искренние мои приятели, и я был уверен, что ты выберешь одного из двух.

- Оттого я им и отказала, что они неизменные товарищи всех твоих безрассудств и похождениям.

- Это очень лестно. Но твои опасения напрасны. Самый ветреный человек делается солидным, когда на его шее висит супружеская цепь; и ревнивая жена лучше всякого тюремного сто-

рожа. Достаточно нескольких бурных супружеских сцен, чтобы обратить в ягненка, в надломленный цветок самого отчаянного кутилу. А тебе это будет еще легче, так как оба очень в тебя влюблены и просили меня уговорить тебя.

- Нет, они слишком в твоём роде; даже в их предложении не было слышно того глубокого и полного чувства, той истинной любви, которая выражается в каждом взгляде, звучит в голосе и чувствуется сердцем. Что касается сильной любви графа, - Сильвия расхохоталась, - она явилась у него по приказанию отца; старый граф был очень недоволен его открытой связью с вдовой коммерции советника Гаммера и приказал сыну покончить и жениться приличным образом.

- Кто тебе это сказал? - спросил удивленный Танкред.

- Его сестра. Ты видишь, источник очень верный. Нет, нет, если я не найду человека серьёзного, умного, сердечного, я не избавлю тебя от твоих опекунских забот.

- Полагаю, что опека будет продолжительна и что ты рискуешь остаться старой девой. Все мои приятели заранее подверглись твоему приговору. Должно быть, Лилия научила тебя с презрением относиться ко всему, что имеет соприкосновение со мной, и находить, что мы все мужики и солдафоны, прикрытые фраком или мундиром.

- Она это сказала? - спросила с изумлением Сильвия.

- Да. И подавленный собственным ничтожеством, я должен отказаться искать тебе жениха. Попрошу Арно заняться этим делом. Он, такой серьёзный и последнее время такой меланхоличный, лучше поймет твои требования; если же не найдет никого тебе по вкусу, то не останется другого ресурса, как ему самому жениться на тебе.

- Танкред! - воскликнула Сильвия, покраснев по уши. - Воздержись от шуток дурного тона. Арно такой превосходный человек...

- Что же, ты недостойна его?

- Конечно. А потом, не могу же я выйти замуж за брата.

- Та-ра-ра! Это родство - одна фантазия. Кто может помешать графу Арнобургскому жениться на дочери Габриэли и Района де Морейра? Ты имеешь даже некоторый шанс, - продолжал неосторожный, неисправимый ветреник. - Ты поразительно похожа на мать, которую он любил так безумно, что в течение семнадцати лет едва мог забыть ее, а может быть, не забыл и теперь. Но, к несчастью, у тебя нет того чарующего обаяния, той демонической силы, которыми наша мать покоряла сердца мужчин.

Сильвия смертельно побледнела; не говоря ни слова, она повернулась и ушла к себе.

- Ого! Надо будет исследовать этот любопытный вопрос, - прошептал он, улыбаясь.

Продолжение следует.

В.И.Крыжановская

Доктор, с тех пор, как я женился, у меня что-то с глазами -
я НЕ ВИЖУ ДЕНЕГ!!!

СТИХИ О МОЛОДОСТИ

Я помню раннюю весну,
Росой умытый день,
Высоких облак белизну
И первую сирень.

И в синем небе лёгкий дым,
И нежный шорох крыл.
Я молод был, я счастлив был,
И в первый раз любил.

И память бережно хранит,
Как некий сладкий сон,
Тот год, когда был позабыт
Саводник и Назон.

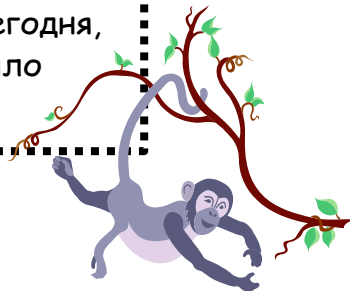
Когда задумчив, неречист,
Вместо того, чтоб спать,
Писал бессонный гимназист
Тайком стихи в тетрадь.

И воздух пьяный, как вино,
Прозрачный от луны,
Вплывал в открытое окно
Шестнадцатой весны...

Михаил Волин.
(Аделаида).

Будущее - это сегодня,
которое наступило
вчера.

Не надо возвращаться....

Не надо возвращаться в старые места,
Где юность протекла, где жизнь была иною,
Вам грустно будет в зрелые года,
Как осенью, увидеть то, что кинули весной.

Мы в мыслях ореол быломu создаём,
Лачугу превращаем в зданье...
А что прошло, того уж не найдём...
Так пусть же в нас живёт воспоминанье!

Мария Петунина

НЕПОВТОРИМОЕ

ТАНГО

Тоне Соломко

Я вновь пишу, как будто бы в тумане,
в потоке ласковой, играющей волны!
И образ нежный снова властно манит
и вновь я вижу ярко-радужные сны.

И словно в рану, Богом времени сокрытую,
опять вонзилась сталь, горящая огнём,
так взор твой в душу мою, тяжестью налитую
сверкнул и болью мне напомнил о былом.

Свой взгляд в живой взор карий погружая,
твоею брызжущей негой упоён,
неволью ток дней прошлых вспоминая,
к глазам смарагдовым я мыслью возвращён.

Ты без жеманства приняла мои объятья,
ресницы локонов золотистый щекотал,
под складкой шёлково-ревнующего платья
твой стан в руках моих, как ива, трепетал...

Я - в ночи мглу, тебя оставив, вышел;
под ветра всплёсками горячий лоб пылал,
но ничего не видел я, не слышал:
меня огонь твоих глаз чёрных прожигал!

Шептал мне мрак, зловеще-неприветлив,
что этот миг не повторится никогда,
но сердце, полное тобой, ему ответив,
запечатлело поцелуй твой - навсегда.

О, вы, любви прелестные обманы!
Как мир, вы стары и, как день, новы;
покорны вам народы, их цари и страны,
покорна и такая пыль, как - мы...

Алексей Пикулевский
Аделаида.

СЛЕДОПЫТ

Молодёжный раздел.

(повесть о лесном детективе)

Продолжение

2. КРАЖА

Смелый дремал на солнышке возле своей конуры. Ему снилось, как Бурый Медведь сажает волка на цепь, а Мудрый Еж тычет в него указкой и говорит своим ученикам: “Вот до чего докатился Мордатый. До цепи! А почему? Потому что рос лентяем, не хотел ни учиться, ни работать. Хотел грабежом прожить. А жить грабежом ему никто не позволит. Пусть сидит на цепи!”

Смелый сладко зевнул. Разлепил глаза. Глядь, перед ним Серый Заяц сидит, дожидается, когда следопыт досмотрит приятный сон. Пес тут же встрепенулся, вскочил.

- Опять что-то стряслось? - спросил у Серого Зайца с надеждой на новое приключение.

- Нет! - разочаровал его Серый. - В лесу все спокойно. Но не спокойно у меня на душе. Сын мой Ушастик надумал учиться на следопыта. Пристал ко мне: “Отдай меня в ученики к Смелому. Пусть научит разбойников ловить!” Я ему и так, и сяк - мол, не заячье дело бороться с преступниками. А он...

- Он твердит свое: “Хочу, и все тут!” - перебил гостя Смелый.

- Как ты догадался? - изумился Серый Заяц.

- Потому как я сыщик!

- Вот и Ушастик мой хочет быть сыщиком.

- Хочет? Давай его сюда. Научим.

Серый повернулся к лесу, прокричал во все свое заячье горло:

- Эй, Ушастик, гони сюда во всю прыть!

Из дальних кустов стремительно вылетел пухленький белый комочек, в несколько прыжков очутился возле Смелого.

- Здравия желаю! - доложил он по-военному. - Я Ушастик. Прибыл по срочному вызову. Какие будут распоряжения?

- Распоряжений пока никаких не будет, - ответил Смелый, виляя хвостом от удовольствия. -

А вот проверить тебя, Ушастик, надо. Вдруг ты слабачок, а?

- Никак нет! Я папину капусту вместо гири таскал, мышцы накачивал.

- Ну, положим, мышцы твои - все равно заячьи...

- Поборемся? - храбро предложил Ушастик.

А его отец, Серый Заяц, в ужасе заложил уши за спину, залопотал:

- Что ты? Что ты, Ушастик? Как можно бороться со Смелым? Он Бурого Медведя на лопатки укладывал. А тебя...

- Как же он меня проверит? - недоумевал Ушастик.

- Это мое дело, - загадочно сказал Смелый. - Пробеги вокруг озера. Посмотрим, сколько секунд тебе на это понадобится.

Пес скользнул в конуру и вернулся к зайцам с секундомером. Щелкнул металлической кнопкой, отдал Ушастике приказ:

- Вперед!

Ушастик рванул во всю прыть и скрылся в лесу.

- Быстрота у него и впрямь есть, - заметил Смелый. - А вот как насчет наблюдательности? Сейчас убедимся.

- Есть, есть у него наблюдательность тоже! - горячо заверил следопыта Серый Заяц. - Куда я не спрячу от него морковку, он обязательно найдет. Все видит, все!

- Проверим!

В эту секунду Ушастик выскочил из-за сосен и, завершив бросок вокруг озера, подлетел к Смелому. Следопыт внимательно оглядел зайчишку: Ушастик не запыхался, выглядел свежим, будто не отмахал вскачь три километра, а прохладился под кустиком.

Смелый остановил секундомер, похвалил зайчишку:

- Секунды у тебя отличные. А вот наблюдательность?

- Что? - растерялся Ушастик.

- Скажи, сколько поваленных деревьев встретил ты на тропе, когда бежал вокруг озера?

- Восемь, - не задумываясь доложил Ушастик.

- На одно ошибся, девять, - поправил его Смелый.

Неловко было юному зайчишке перечить знатному следопыту, но он твердо повторил свое:

- Восемь!

- Нет, девять! - настаивал Смелый. - Мне ли не знать? Я каждый вечер бегаю вокруг озера, тренируюсь.

- И все-таки восемь! - не отступал Ушастик.

- Что ж, проверим, кто прав, - сказал следопыт, которому понравилось заячье упрямство. - Он повесил на шею секундомер и скомандовал:

- Ушастик, за мной!

Серый Заяц тревожно посматривал им вслед. Его пышные усы обвисли, лапки тряслись от противной дрожи. Очень ему было не по душе, что несмышлениш-сыночек перечил всеми в лесу уважаемому победителю волка. "Провалит Ушастик экзамен или нет?" - беспокоился Серый Заяц. И чем дольше ему приходилось ждать возвращения пса и зайчишки, тем увереннее становился он в том, что Ушастик провалит экзамен. От этой уверенности его обуяла злость. Как только Ушастик появился перед ним, Серый Заяц схватил сыночка за ухо и ну выговаривать:

- Отца позоришь! Споришь со своим спасителем! Сказано тебе - девять бревен, значит девять! И нечего выставляться перед старшими!

Но Смелый прервал негодующего папашу:

- Зря ругаешься. Твой Ушастик прав. Восемь деревьев, не девять. Оказывается, сегодня рано утром бобры уволокли одно для запруды. А Ушастик твой молодец! Не побоялся спорить со мной! И, главное, доказал свою правоту и наблюдательность. Вот и получается, выйдет из него сыщик. А раз так, то надо приступать к занятиям.

И Ушастик начал постигать премудрости сыскного дела. На зорьке он выходил на охотничью тропу вместе с псом: изучал звериные следы. Потом Смелый рассказывал ему о повадках зверей и людей, показывал приемы борьбы "каратэ", учил нападать на преступника из засады. Вечерами Ушастик занимался самостоятельно по учебникам криминалистики, логики, психологии животных и людей. Постепенно он обретал знания, необходимые для расследования преступлений. Но и только. Знания у него уже были. А преступлений, расследовать которые он готовился, в лесу не случалось.

- Эх, произошло бы что-нибудь! - не раз говорил Ушастик отцу. - Я бы класс показал. Я ведь уже настоящий следопыт, почти как Смелый.

- Ну-ну, - посмеивался Серый Заяц. - До Смелого тебе еще далеко. Без него, без его советов ты ничего не стоишь.

- Неправда! Неправда! - горячо убеждал отца упрямый Ушастик. - Я и без Смелого могу теперь раскрыть любое преступление!

- Без Смелого? - задумчиво спросил Серый Заяц. И с хитрецей в голосе добавил: - Интересно на тебя посмотреть, как ты будешь без Смелого расследовать преступление.

Однажды ночью Серый Заяц разбудил Ушастика, заснувшего над учебником криминалистики.

- Ушастик, проснись. Есть дело.

- Что? Когда? Где? - встрепенулся зайчишка.

- Капуста... Сегодня... На нашем Лесном огороде...

- Похищена?

- Угадал! - забарабанил Серый Заяц лапками в грудь, довольный догадкой своего сынишки.

- Самый большой кочан?

- Опять угадал! Ставлю тебе "отлично".

- Не торопись, папа. Расследование только начинается, - рассудительно сказал Ушастик. - Мне бы сначала найти свидетелей преступления...

- Есть! Есть свидетели!

- Ты?

- Я! Именно я! Опять угадал, Шерлок Холмс мой ушастенький!

- Тогда, папа, давай по порядку.

- Так вот, - начал Серый Заяц. - В эту ночь была моя очередь дежурить на нашем Лесном огороде. Я дежурил, как настоящий сторож, не смыкая глаз. Кругом так вкусно пахло, что текли слюнки. Но я не съел ни одного капустного листа. Знал из твоих учебников: станешь кушать капусту, потеряешь бдительность. А вор тут как тут, и утащит кочан.

- Как же тогда вор стащил капусту? - спросил Ушастик.

- Не знаю. Стащил, и все тут. Это твое дело - дознаться, как он обманул мою бдительность.

- Не густо! - вздохнул Ушастик. - Но ничего, справимся с расследованием. Пошли на огород.

- А может быть, Смелого позвать на подмогу?

Ушастик отмахнулся: «Пусть спит. Сами сообразим, что к чему».

На рассвете они подошли к огороду. Ушастик довольно быстро обнаружил чужие следы, которые хорошо сохранились в вязкой почве. По этим следам, напоминающим козьи копыта, они вышли к месту, где прежде рос самый большой кочан капусты. Земля там была вытоптана, валялись огрызки капустных листьев.

- Ага, - заметил Ушастик, - значит здесь Коза совершила преступление.

- Ты думаешь, она прямо здесь съела капусту? - спросил Серый Заяц.

- Нет, в огороде она только попробовала капусту на вкус.

- А зачем ее пробовать на вкус, капуста всегда вкусная, - облизнулся Серый Заяц.

- Коза ведь - не заяц. Она этого не знает.

- Пусть так, - хихикнул чему-то своему Серый Заяц. - Тогда скажи, почему Коза здесь только попробовала капусту, а не съела ее целиком?

- Потому что боялась попасться на глаза сторожу. Попробовала и утащила кочан в укромное местечко.

- Куда?

- Это мы сейчас и выясним.

Ушастик принялся к следам, покрошил в лапках землю, вдавленную козьим копытом.

- След свежий! Значит, Коза далеко не ушла, мы ее быстро нагоним.

Они пошли по следам, которые вели в лес. Шли, шли, и вышли к кустам дикого шиповника. Здесь следы обрывались.

- Коза - не птица. Улететь не могла... - рассуждал Ушастик.

Но эти рассуждения не приносили ему никакой пользы. Следов не было. Еще раз Ушастик obeжал кусты, но ничего не нашел, кроме обглоданных капустных листьев. Он собрал капустные огрызки в мешочек, чтобы потом внимательно их изучить.

Ушастик понимал: его расследование зашло в тупик. Но отцу он не хотел показать своего поражения. С видом бывалого следопыта он повел Серого Зайца назад к огороду. И по дороге выкладывал ему свои соображения:

- Яснее ясного, Коза сожрала капусту по пути к шиповнику, а потом...

- Потом улетела на небо, - рассмеялся Серый Заяц.

- Не на небо, папа, а вернулась на огород, за новым кочаном.

- А вот и нет!

- Не нет, а да! Сейчас найдем новые следы, а может быть, застанем ее прямо на месте преступления.

Но на огороде они не застали Козу. Они застали там Смелого.

- Здравствуй, Смелый! - обрадовался встрече Серый Заяц, хотя Ушастик стыдливо прятался за его спину. - Мы тут расследование проводим. Но ничего у моего зайчонка не получается.

- Никак Козу не поймаете? - весело вильнул хвостом Смелый.

- А откуда ты знаешь про Козу? - смутился еще пуще прежнего Ушастик.

- Он же настоящий следопыт! - сказал Серый Заяц.

- Да, я следопыт настоящий, - не замедлил похвалить себя пес. - И вот вам пример этого.

Утром Ушастик не пришел на занятия. Я подумал: «С чего бы это? Заболел? Непохоже. Почему? Да потому, что его отец сообщил бы мне о таком неприятном событии. Выходит, Ушастик не болен, а на занятия не пришел по другой уважительной причине». И я спросил себя: «Какая самая уважительная причина для начинающего следопыта? Конечно, расследование». Поэтому я здесь, на огороде. И вижу, что ваше расследование не клеится.

- Почему не клеится? - возразил Ушастик. - Мы нашли козьи следы...

- А куда ведут эти следы, ты знаешь?

- В лес.

- Чем ты это подтвердишь?

Ушастик вытащил из мешка огрызки капустных листьев.

- Вот этим... Их нашли возле шиповника.

Смелый посмотрел на капустные огрызки, подмигнул Серому Зайцу и сказал:

- Мне уже все ясно: знаю, кто и почему съел вашу капусту. Но пока не скажу! Сначала о следах... Ведут они не в лес, а к озеру.

- Не может быть! - упрямо возразил Ушастик. И получил по ушам от отца.

Серый Заяц, задав ему трепку, ворчливо сказал:

- Хватит тебе упорствовать, старшим перечить! Лучше учишься у них уму-разуму!

- Отец прав, - поддержал Смелый папашу-зайца, - Сейчас, Ушастик, твое упрямство совсем не к месту. Ты совершенно неправильно провел расследование. Ты решил, что следы ведут к лесу, а они ведут к озеру. Почему? Потому что на земле резче отпечатались передние части копыт. Такое возможно, если надеть их, как башмачки, задом наперед.

- Ха-ха-ха! - насмешливо рассмеялся Ушастик. - Коза надеть копыта не может! Они у нее с рождения!

Но, к его удивлению, Смелый не был посрамлен.

- Согласен, - сказал он. - Коза надеть копыта не может. Их может надеть кто-нибудь другой, чтобы сыщик принял его за Козу.

- А-а-а, - разочарованно протянул Ушастик.

- И еще, - продолжил урок Смелый, - посмотри, как близко расположен один отпечаток следа от другого. Разве такими маленькими шажками ходит Коза? Нет, так ходит... Впрочем, об этом потом. Сейчас еще раз посмотри на следы. Они почти не приметны. Значит, воришка не унес кочан капусты, а съел его прямо на огороде. А капустные листья разбросал у шиповника, чтобы запутать ход расследования. И последнее - кто съел капусту?

- Кто? - воскликнули в один голос Ушастик и Серый Заяц.

- Какой-то заяц съел вашу капусту, - ответил Смелый.

- И как ты об том догадался?

- По отгрызкам капусты. Видно, что они обгрызаны заячьими зубами.

- Как же теперь нам изловить воришку-зайца? - спросил Ушастик.

- Пойдем по его следам к озеру, а там видно будет.

Смелый привел Ушастика и Серого Зайца по козьим следам прямо к озеру. У самой воды следы исчезли.

- Все! И тебя постигла неудача! - глубокомысленно изрек Ушастик. Мою козу надо было ловить в небе, а твоего зайца - в воде. А заяц - не рыба, по себе знаю, плавать не умеет!

- Думаешь? - хитро прищурился Смелый. Разбежавшись, он бросился в озеро, глубоко нырнул, и выплыл на поверхность воды с двумя козьими копытами в пасти. Вышел на берег, отряхнулся, обрызгал обоих зайцев - отца и сына, и сказал:

- На дне еще два копыта. Принести или сразу же назвать воришку?

- Не надо! - воскликнул Серый Заяц и смущенно поежился. - Я сам признаюсь.

- Ты?! - округлил и без того круглые глаза Ушастик. - Отец сыщика - вор! Ты же меня осрамил, папа!

- Вовсе я тебя не осрамил. Ты сам осрамился. Я тебе устроил экзамен. Стащил капусту. Сам ее выращивал, сам и съел. Выращивал, правда, для тебя. Думал, ты справишься с расследованием, получишь награду. А ты...

- Вот-вот, совсем нехорошо! Для меня выращивал, а сам слопал!

Ушастик полагал, что устыдил отца. Но не тут-то было.

- Капуста была тебе обещана, сынок, только в том случае, если ты справишься с расследованием преступления.

- Но ведь ты, папа, съел ее до всякого расследования!

- Потому и съел, что знал заранее: ты еще не готов, не можешь сдать экзамен на "отлично". Поучись еще у Смелого, будет тебе капуста, будет и успех. А так сразу успех не приходит. Это я хорошо знаю, не зря твои детективные книжки читал, пока ты корпел над учебниками.

- И то правда, Ушастик, - сказал ему Смелый. - Победа легко не дается. А что до шуток твоего отца, Серого Зайца, то она тебе на пользу. В другой раз умнее будешь.

Ефим Гаммер. Иерусалим.

*Лучше прожить один день
львом, чем сто лет овцой.*

*Враг опасен, когда
кажется побеждённым.*

Тузик и его друзья

«Золотое сердечко»

Солнышко поднялось над землёй и бросило горсть золотых лучей на верхушку Леопарда. Ласковый ветерок резво пробежал по веткам - и запутался в зелёном круже листьев. Как по команде, Шумный Двор огласился птичьим криком. Сразу проснулись - Тузик, Матильда Леопольдовна, Рябушки. Даже в домике под Леопардом скрипнула дверь: это папа-Лобик и дедушка-Помахайкин вышли с граблями во двор и начали собирать с травы сухие листья.

Вдруг окошко в домике распахнулось и показалась заспанная рожица Говорилки. Гномик зевнул, потёр кулачком глаза, чихнул, и вдруг весело закричал:

- Бублик, вставай! Посмотри, как хорошо вокруг!

Бублику не хотелось вставать. Ему в это время снился интересный сон. Снилось, что он нашёл на Шумном Дворе волшебную палочку. К чему ни притронется палочкой - всё становится золотым...

Но Говорилка не унимался:

- Эй, засонька, вставай! В чехарду будем играть...

Мама-Иголочка услышала, и погрозила гномику пальчиком:

- Ишь, чего придумал... в чехарду! Лучше Рябушкам водички свежей налей.

Потом подошла в детской кроватке:

- А тебе, малыш, и правда, пора вставать. Посмотри, какое чудесное утро, прямо волшебное!

Бублик сладко зевнул и повернулся на другой бок: ему всё ещё снилась волшебная палочка. Но, услышав, что мама-Иголочка назвала утро «волшебным», гномик подскочил - и сел в кроватке: «Ага, если утро «волшебное», значит, на Шумном Дворе тоже всё волшебное; значит, и палочку волшебную можно найти...» - подумал он.

Гномик быстро оделся. Без капризов съел кашу. А когда мама-Иголочка отвернулась, стал что-то тихонько шептать Говорилке на ухо.

Наконец, малыши выбежали во двор. И сразу - к вороху листьев, который собрали папа-Лобик и дедушка-Помахайкин.

- Что за чудеса? - удивляется папа-Лобик, - кажется, наши детки сознательными стали: помогать пришли...

Тем временем гномики копошатся в куче сухих листьев - что-то рассматривают, друг с другом шепчутся - как видно, что-то ищут...

- Говорилка, а, Говорилка, - грустно сказал Бублик, - что-то не видно волшебной палочки. Может, зря мне приснилось..?

- Только не реви, - сказал Говорилка. - Просто сам сделай себе волшебную палочку.

И вдруг дедушка-Помахайкин увидел, что Бублик поднял с травы сухую ветку и старательно оборачивает кончик золотым конфетным фантиком. Обернул, и пошли оба гномика по двору - золотым концом палочки прикасаются то к Леопарду, то к забору, то к Матильде Леопольдовне: даже Тузика, даже курятник палочкой потрогали...

Добрый дед хитро рассмеялся:

- Так вот что сорванцы затеяли: волшебную палочку сделали; хотят, чтобы всё золотым стало.

Тем временем Бублик и Говорилка успели обойти Шумный Двор, - всё потрогали волшебной палочкой, но в золото ничего не превратилось. Они вернулись к вороху листьев под Леопардом.

- Эх, братец, выдумал ты всё, - сказал Говорилка. - Ничего интересного ты во сне не видел.

- А вот и видел, видел! - от обиды у Бублика задрожали губы, в глазах показались слёзы.

Чтобы совсем не расплакаться, Бублик бросил самодельную «волшебную» палочку на траву - прямо в кучу листьев. И тут случилось невероятное...

Из кучи листьев метнулось вверх что-то маленькое, зелёненькое... И сразу где-то рядом послышалось громкое кваканье. От удивления гномики выпучили глаза: на траве - прямо перед ними - сидела большая зелёная лягушка. Красивая. Пучеглазая. Её нижняя губа дрожала, точно

она собиралась заплакать. Тузик не стал лаять - понял, что произошло что-то очень серьёзное. Даже Матильда Леопольдовна тихонько отошла в сторону...

А лягушка и в самом деле горько заплакала:

- Мой лягушонок, мой ква-кваушонок, он ещё такой маленький... Он испугался шума в куче листьев, и в панике прыгнул на Леопард... Как он теперь сойдёт вниз?

Тут над головой раздался тоненький писк лягушонка, - он ещё не умел правильно квакать:

- Ой, больно... я себе нечаянно повредил лапку!

- Мой маленький, мой пучеглазенький, - в отчаянии квакала Мама-лягушка. - Ну зачем, ну зачем ты полез на Леопард?

- Что ж теперь делать? - расстроился Говорилка, - ведь Мама-лягушка не может своей детке помочь...

А Бублик... Гномик не стал тратить времени на пустяки: слёзы разом высохли на чумазой рожице, он мигом забыл про волшебную палочку. Какие могут быть шалости, когда кто-то слабый в беде! Бублик изловчился - и быстро влез на дерево.

До лягушонка было уже недалеко - оставалось лишь протянуть руку, осторожно взять его - и посадить к себе в карман. Пучеглазый малыш с надеждой смотрел на своего спасителя. Зелёненький. И до того же хорошенький.

И вдруг случилось то, чего никто не ожидал: послышался сухой треск, и ветка, на которой сидел Бублик, надломилась. Гномик едва не свалился вниз, на траву. Лягушонок запищал и в ужасе закрыл глаза...

К счастью, Бублик вовремя успел ухватиться за другую ветку. Только ему в ладошку попала большая заноза. Больно было. Очень. Но Бублик не заплакал, чтобы ещё больше не испугать лягушонка. Ведь малышу и без того страшно...

Наконец Бублик добрался до лягушонка. Успокоил его. Потом осторожно посадил его к себе в карман. И они стали спускаться.

Внизу ждала мама-Лягушка.

- Спасён! Спасён! - громко заквакала она от радости и бросилась к малышу; стала его обнимать, целовать...

Мама-Иголочка принесла иголочку и тут же вытащила из ладошки Бублика занозу. Тузик вылизал ему ранку. Чтоб не попала инфекция. Говорилка молча обнял братишку. А Матильда Леопольдовна, стараясь выразить гномику восхищение, начала мурлыкать ему свою новую песенку.

На прощание мама-Лягушка подошла, вернее, прыгнула к Бублику.

- Ква-ква... Тебе не нужна волшебная палочка. Потому что у тебя - Золотое Сердечко...

